СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 7.

ЗАМѢТКИ

по

ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1883 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ЮЖСКОЙ ЦАРИЦѢ ВЪ ПАЛЕѢ.

Въ замѣткѣ, напечатанной мною въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1880 г. Апрѣль (О талмудическомъ источникѣ одной легенды въ Палеѣ) я указалъ на источникъ одной Соломоновской повѣсти, оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ, когда я собиралъ матеріалы для моего изслѣдованія: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ (СПБ. 1872). Мнѣ уже не разъ приходилось, и еще придется, обращаться къ вопросамъ тамъ затронутымъ, потому что матеріалъ сравненія далеко не исчерпанъ и новыя данныя открываются постепенно[1]), вызывая повѣрку добытыхъ результатовъ. Явившійся недавно сборникъ Эрманна (Aus Palästina und Babylon. Eine Sammlung von Sagen, Legenden, Allegorien etc. aus Talmud und Midrasch, mit sachlichen und sprachlichen An-

[1]) О Соломоновскихъ повѣстяхъ въ Румыніи см. интересную замѣтку Gaster'a: Legende Talmudice și legende Romane, Studiu comparativ de Dr. M. Gaster.

merkungen nebst einer allgemeinen Einleitung über Geist und Form der Agada, von Daniel Ehrmann. Wien, Hölder, 1880) далъ мнѣ поводъ для слѣдующаго сообщенія.

Въ разсказѣ русской Палеи [1]) царица южская приходитъ къ Соломону и искушаетъ его загадками. Соломонъ разрѣшаетъ ихъ, «она же вельми сему подивися». Тогда начинается преніе въ мудрости между мудрецами той и другой стороны.

1) «Мудреци же ея загонуша хитрецемъ Соломонимъ: *имамы кладязь далече града, мудростію своею оугоните, чимъ можемъ привести въ градъ?* — Хитреци, разумѣвше речь, и реша: *исплетите уже ѡтрубяно, а мы привлечемъ кладязь вашъ во градъ*».

Въ «Сказаніи о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и философѣхъ», на которое я сослался въ моей книгѣ [2]) и которое теперь привлеку къ сравненію, ужище должно быть не отрубяное, а *песчаное*. Это — извѣстная еще въ древности задача: свить веревку изъ песку; её задаетъ Фараонъ въ русскомъ сказаніи объ Акирѣ Премудромъ. Въ талмудической легендѣ, которую мы приводимъ далѣе, ужище — *отрубяное*.

2) «И паки загонуша мудреци ея: *аще возрастетъ нива ножи, ино чѣмъ ю пожать можете?* — Отвѣщаша и реша имъ: *рогомъ ѡслимъ*. — И рѣша мудреци ея: Гдѣ у осла рога? — Ѡниже рѣша: А где нива родитъ ножи?» —

Таково содержаніе второй загадки и въ талмудической повѣсти. Иначе въ сказаніи, смѣшавшемъ № 2 съ слѣдующимъ у насъ № 3 и замѣнившемъ первый изъ нихъ такой загадкой: «Царица рече: «А коли нива поростетъ ножи, чѣмъ ю пожать? — Соломанъ рече: Со всего свѣта собрать росу и въ томъ сшить рукавицы, тѣмъ ю пожати. — Она-же рече: какъ можеть въ росѣ рукавицы сшить? — Соломонъ же рече: А коли выростаетъ нива ножи».

[1]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. стр. 347—350.

[2]) Славянскія сказанія и т. д. стр. 349.

3) «Загонуша-же и еще», продолжаетъ Палея: *«аще вз'гниетсѧ соль, чимъ ю можете ѡсолити?* — Ѡниже рѣша: *ложе мьскы вземше, темъ-же посолить.* — И реша: *Да гдѣ мьска родитъ?* — Они-же: *да гдѣ соль възгниваетъ?»* — То-же въ талмудической повѣсти; Сказаніе удержало вопросъ загадки, но разрѣшеніе ея заимствовало изъ предыдущаго №: И рече царица: «аще соль изгніетъ, то чѣмъ ея пособитъ(?), дабы не изгнила? Соломонъ же рече: Рогомъ коневымъ. — Она-же рече: А коли у коня рогъ живетъ? — Соломанъ рече: А коли соль гніетъ?».

Этими тремя загадками ограничивается преніе въ мудрости въ указанномъ нами эпизодѣ Палеи; тѣ лишнія, какія встрѣчаются въ Сказаніи, принадлежатъ, быть можетъ, позднѣйшему приращенію; по крайней мѣрѣ онѣ не поддерживаются содержаніемъ талмудической повѣсти, которую я извлекаю изъ книги Эрманна (l. c. стр. 1—14).

Рабби Іозуа бен Хананья похвалился однажды передъ римскимъ императоромъ, что еврейскіе мудрецы превышаютъ умомъ и остроуміемъ аѳинскихъ, которыхъ онъ вызывался побѣдить и всѣхъ доставить въ Римъ. Съ этой цѣлью онъ велитъ, съ согласія императора, снарядить себѣ корабль о 60-ти каютахъ, съ 60-ю сѣдалищами въ каждой, по числу аѳинскихъ мудрецовъ. Прибывъ въ Аѳины, онъ добирается хитростью до дома, гдѣ засѣдали мудрецы, который запрещено было, подъ страхомъ смерти, указывать иностранцу. Миръ вамъ! произнесъ Іозуа, войдя въ собраніе.

Мудрецы. Чего ты отъ насъ желаешь?

Іозуа. Я — еврейскій мудрецъ, пришелъ у васъ поучиться мудрости.

Мудрецы. Напередъ мы предложимъ тебѣ нѣсколько вопросовъ.

Іозуа. Я согласенъ. Коли вы меня побѣдите, то можете поступить со мною, какъ вамъ заблагоразсудится; коли побѣди-

телемъ останусь я, то я потребую отъ васъ лишь одного: чтобы вы пожаловали къ обѣду на мой корабль, стоящій въ гавани.

Мудрецы. Идетъ! Отвѣть-же намъ на слѣдующій вопросъ: Молодой человѣкъ сватается за дѣвушку и получаетъ отказъ; вскорѣ послѣ того сватается за другую, болѣе родовитую, чѣмъ первая. Какъ могъ онъ на то отважиться?

Іозуа взялъ гвоздь, попытался вбить его въ стѣну немного повыше пола, но безуспѣшно; попробовалъ вбить его выше, и гвоздь вошелъ свободно. Видите-ли, сказалъ онъ: такъ и болѣе родовитая жена болѣе пришлась по юношѣ, чѣмъ менѣе родовитая.

Мудрецы. Одному человѣку дали въ займы денегъ; онъ не выплатилъ долга, а ему еще дали въ займы. Какъ могло это статься?

Іозуа. Нѣкто идетъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ, но первая вязанка была ему не по силамъ; тогда онъ дѣлаетъ и другую, и для обѣихъ беретъ носильщика. Такъ часто второй долгъ бываетъ побужденіемъ къ уплатѣ перваго.

Мудрецы. Разскажи намъ что нибудь диковинное.

Іозуа. На жеребенкѣ мьскы (мьска црквнослав. mula) висѣла надпись, въ которой значилось, что мой отецъ долженъ ему 100000 сусъ.

Мудрецы. Можетъ-ли мьска родить?

Іозуа. Вы-же хотѣли услышать что-нибудь диковинное!

Мудрецы. Когда соль загніетъ, чѣмъ её осолить?

Іозуа. Зародышемъ мьскы.

Мудрецы. Не бываетъ у мьскы зародыша.

Іозуа. Но и соль не гніетъ.

Мудрецы. Построй намъ домъ на воздухѣ. —

Іозуа призвалъ святое Божье имя и вознесся на воздухъ. Несите мнѣ сюда дерева и кирпичей, закричалъ онъ мудрецамъ. — Это, съ видоизмѣненіями, извѣстный эпизодъ русской повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.

Мудрецы. Гдѣ средоточіе вселенной.

Іозуа указалъ на первое попавшееся мѣсто и сказалъ: Здѣсь! коли не вѣрите, прикажите измѣрить.

Мудрецы. Есть у насъ дворецъ за городомъ, мы желали бы привести его въ городъ.

Іозуа. Велите мнѣ свить веревку изъ отрубей, и я приведу его.

Мудрецы. Сломалась у насъ ручная мельница; заштопай её намъ.

Іозуа. Вытяните изъ нея нитокъ, и я вамъ заштопаю её.

Мудрецы. Чѣмъ пожать поле, поросшее серпами?

Іозуа. Ослиными рогами.

Мудрецы. Но у осла нѣтъ роговъ.

Іозуа. И на нивѣ не ростутъ серпы.

Привожу еще двѣ слѣдующія загадки о яйцѣ — хотя не надѣюсь освѣтить ими слѣдующую замысловатую подробность Сказанія: «Царица-же рече: А коли мертвецъ восплачеться, чѣмъ его утѣшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: Мгляное яицо дати ему. — Она-же рече: Како можешь во мглѣ яицо сдѣлать? — Соломанъ рече: А коли мертвецъ плачетъ?» — Аѳинскіе мудрецы предлагаютъ Іозуа угадать, какое изъ двухъ яицъ снесено бѣлой, какое черной курицей — на что тотъ отвѣчаетъ такимъ-же вопросомъ: пусть рѣшатъ какой изъ двухъ сыровъ приготовленъ изъ молока бѣлой, какой изъ молока черной коровы. — Вопросъ: когда въ яйцѣ околѣваетъ цыпленокъ, какимъ отверстіемъ выходитъ его душа? — Отвѣтъ: Тѣмъ-же, какимъ вошла.

Аѳинскіе мудрецы принуждены были признать духовное превосходство надъ нами Іозуа и принять его приглашеніе. Онъ размѣстилъ ихъ на кораблѣ, по одному въ каютѣ, и такъ какъ въ каждой было 60 сѣдалищъ, то всякій изъ нихъ поджидалъ товарищей. Когда всѣ собрались, корабль тронулся; Іозуа взялъ съ собою горсть аѳинской земли и бочку воды, почерпнутой изъ того мѣста въ морѣ, которое поглощаетъ всю остальную воду. — Когда Іозуа представилъ мудрецовъ императору въ Римѣ, они

стояли молча, подавленные, пока не посыпали имъ на голову родной земли: тогда они оживились и даже обнаружили строптивое настроеніе духа. Императоръ отдалъ ихъ во власть Іозуа, который приказалъ имъ наполнить водою бочку, куда опущена была капля воды отъ вспоглощающей морской пучины. Бочка никогда не наполнялась, и мудрецы погибли отъ безконечной, непосильной работы.

Другой мидрашъ объясняетъ отчасти вторую половину предъидущаго: рабби Еліезеръ и рабби Іозуа ѣдутъ океаномъ и достигаютъ мѣста, «куда не текла вода». Мы прибыли сюда для опыта, говорятъ они, наполнили бочку тамошней водою и отправляются въ Римъ. Императоръ Адріанъ спрашиваетъ ихъ: каковы свойства воды океана? Она поглощаетъ всѣ другія, почему океанъ и не наполняется, хотя всѣ рѣки текутъ въ него. Раввины доказываютъ это, смѣшавъ въ кувшинахъ обыкновенную воду съ водой океана, которая и поглощаетъ первую [1].

Очень вѣроятно, что и въ первомъ мидрашѣ слѣдуетъ поставить Адріана вмѣсто анонимнаго императора. Если такъ, то одни и тѣ-же «вопросы и отвѣты» являются передъ нами въ различномъ историческомъ пріуроченіи: то къ Соломону, то къ Адріану, появленіе котораго въ циклѣ русскихъ повѣстей о Соломонѣ я старался объяснить въ другомъ мѣстѣ [2]. Что одна изъ загадокъ разобранной нами легенды Палеи давно пріурочилась къ имени Соломона, доказывается сближеніемъ двухъ сообщаемыхъ далѣе повѣстей, тождественныхъ по общему замыслу (умерщвленіе всѣхъ стариковъ): изъ нихъ одна разсказывается о Соломонѣ, въ другой испытаніе мудрости сводится къ загадочному вопросу, являющемуся и въ разсказѣ Палеи.

---

[1]) Wünsche, Bibliotheca rabbinica, 1-e Lief. p. 11. Сл. въ Сказаніи: Аще пополнитца море воды, куды потекуть рѣки? — На небо тещи. — Какъ можетъ вода на небо тещи? — *А коли наполнитца море можетъ?*

[2]) Разысканія V, p. 134—5.

Въ старофранцузскомъ фабльò, изданномъ Муссафіей [1]), Соломонъ, qui fu roi de Surie, велитъ умертвить всѣхъ стариковъ въ своемъ царствѣ; приказаніе исполнено, только одинъ сынъ рѣшается спасти жизнь своему отцу, спрятавъ его подъ бочкой. За то среди юныхъ совѣтниковъ царя онъ является мудрѣйшимъ, потому что слѣдуетъ совѣтамъ и указаніемъ искушеннаго житейскимъ опытомъ старика. Эта мудрость возбуждаетъ сомнѣнія Соломона, онъ хочетъ испытать, откуда она въ юношѣ, и предлагаетъ ему одну изъ тѣхъ мудреныхъ задачъ, которыя дали сюжетъ цѣлой группѣ средневѣковыхъ повѣстей и современныхъ народныхъ сказокъ: въ означенный день юноша долженъ привести къ царю своего друга, раба, damoisiauz, наконецъ своего смертельнаго врага. По совѣту отца, онъ приводитъ къ Соломону свою собаку, осла, сына и жену, которая и оказывается смертельнымъ врагомъ мужа, ибо подъ впечатлѣніемъ гнѣва, она выдаетъ его тайну: что, вопреки цареву повелѣнію, онъ сохранилъ жизнь своего отца. Но Соломонъ не только не гнѣвается на молодаго человѣка, а и благодаритъ его и возводитъ въ санъ сенешаля.

Въ слѣдующей повѣсти у Pauli, Schimpf und Ernst [2]) царь не названъ, и мудреная задача сводится къ вопросу, намъ извѣстному: чѣмъ осолить загнившую соль?

In einer stat waren vil junger Lüt, die wolten das regiment haben, und wolten die alten ratzherren vertreiben, und hetten sie gern alle zůdot geschlagen. Da was einer der behielt sein altvatter

---

[1]) Mussafia, Ueber eine altfranzösische Handschrift der k. Universitäts-bibliothek zu Pavia, въ Sitzungsberichte der kais. Ak. d. W. Philos. hist. Cl. LXIV B. III H. Jahrg. 1870, März, p. 596 слѣд. Сл. тамже библіографическія указанія, касающіяся содержанія разсказа. Преданіе о томъ, что существовалъ когда-то обычай убивать стариковъ, принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ. Сл. B. Schmidt, Griechische Märchen etc. стр. 26—7.

[2]) J. Pauli, Schimpf und Ernst, ed. Oesterley № 442; сл. ibid. библіографическія указанія.

in einem dubhusz verborgen. Der künig des lands het die stat auch gern gehebt zů dem land, und wolt ir weiszheit beweren, und schrieb dem rat umb rat, *wie er sein saltz solt behalten, er het ein schatz von saltz, das wolten im die milwen fressen.* Die gůten jungen ratzherren sassen ob der sach, und wussten im kein antwurt wider zůschreiben noch rat zůgeben. Der sagt es seinem vatter da er heim kam. Der vatter sprach, wan du morgen in den rat kumest, so sprich, man sol dem künig schreiben, *er solt das saltz mit mulesels milch besprengen*, so sei es behalten vor den wurmen. Aber das saltz verderbt die würm, darum saltz man das fleisch, *man findt auch kein mulesels milch, wan sie sein unfruchtbar*, wan sie sein zů viel heisser natur. Der könig wil üch nur versůchen. Da sie das in dem rat horten, da sprachen sie, die weiszheit hast du nit von dir selber. Da sprach er, wie er sein vatter verborgen hat. Da erkanten sie das weiszheit noch in den alten wer, und schickten wider nach inen, und gaben inen das regiment widerumb.

Замѣтимъ въ заключеніи, что въ талмудической легендѣ, прототипѣ разсказа Палеи о царицѣ Савской и ея загадкахъ Соломону — загадки другія: 1) что такое колодезь изъ дерева, ведро изъ желѣза, черпаетъ камни и пьетъ воду? (выдолбленное бревно и черпакъ); 2) прахъ выходитъ изъ земли и питается прахомъ земли, разливается, какъ вода и стремится въ домъ? (нефть); 3) бурный вѣтеръ несется по всѣмъ головамъ, съ громкимъ и жалобнымъ воемъ, наклоняетъ эти головы, какъ тростникъ; честь вельможамъ, униженіе бѣднымъ, краса умершимъ, печаль живымъ, радость птицамъ, горе рыбамъ? (ленъ) [1].

---

[1]) Марголинъ, Сказанія о Соломонѣ (Памятники древней письменности, вып. III), стр. 40. Сл. W. Hertz, Die Rätsel der Konigin von Saba, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXVII B., p. 5: разрѣшеніе первой загадки иное: Schminkrohr.

II.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПОВѢСТЬ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ И ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЯ ВИДѢНІЯ ДАНІИЛА.

Въ древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ [1]) царь Левъ, по нашему мнѣнію Левъ VI Философъ, посылаетъ въ Вавилонъ «взяти тамо *знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила». Онъ говоритъ посламъ: «Аще обрящете *глаголъ знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо». Посланные приходятъ въ Вавилонъ, счастливо избѣгнувъ опасности, вошли въ «церковь трехъ святыхъ отроковъ», поклонились имъ и говорятъ, что пришли по цареву повелѣнію «принести отъ васъ къ нему, елико вы изволите дати». Они хотятъ взять кубокъ, стоявшій на гробѣ св. отроковъ и нести его къ царю; но отъ гробницы былъ гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите *знаменіе*». Въ царской палатѣ онѣ находятъ богато украшенный одръ, на немъ два вѣнца царскихъ; «и тутъ-же видѣша *грамоту* лежащу, написану греческимъ языкомъ», въ которой говорилось, что тѣ вѣнцы принадлежали нѣкогда Навуходоносору и его царицѣ, нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Львѣ и его супругѣ. — Послы захватили съ собою вѣнцы и грамоту и сердоликовую крабицу съ багряницею и другія драгоцѣнности и снова вернулись въ церковь св. трехъ отроковъ. Здѣсь имъ снова былъ гласъ: «кое взясте *знаменіе* у насъ, и нынѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ». Прибывъ

---

[1]) А. Веселовскій, Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, Славянскій сборникъ, т. II, стр. 122—165; сл. Archiv für Slavische Philologie II, 1, 2.

къ царю, послы вручаютъ ему «грамоту, что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ», а патріархъ вѣнчаетъ его вѣнцомъ Навуходоносора.

Въ комментаріи, предложенномъ мною на приведенный отрывокъ Вавилонской повѣсти, я остановился, главнымъ образомъ, на вещественномъ значеніи «знаменія»: знаки царскаго достоинства, вѣнецъ Навуходоносора, то и другое перенесенное изъ Вавилона въ Византію, выразили символически перенесеніе царственной власти отъ восточныхъ династовъ къ византійскимъ Императорамъ. — Мнѣ кажется теперь, что нѣкоторыя выраженія и подробности Повѣсти позволяютъ извлечь изъ нихъ болѣе, чѣмъ я предполагалъ возможнымъ. Говорится не только о *знаменіи*, но и о *глаголѣ знаменія*, который я связываю съ *грамотой*, написанной по гречески и *возвѣщавшей* о вѣнцахъ, имѣющихъ быть возложенными на имп. Льва и его супругу. Грамота представлялась, такимъ образомъ, такимъ-же политическимъ хризмомъ, какъ и приписанные Льву VI и византійскія Ὁράσεις Даніила, о которыхъ говоритъ Ліутпрандъ: Habent Graeci et Saraceni libros, quos ὁράσεις sive visiones Danielis vocant, ego autem sybillinos, in quibus scriptum reperitur, quot annos imperator quisque vivat, quae sint futura eo imperante tempora: pax an simultas, secundae Saracenorum res, an adversae. — Что подъ Даніиломъ могли разумѣть ветхозавѣтнаго пророка, это доказывается не только существованіемъ отреченнаго Апокалипсиса и Откровеній съ его именемъ, но и показаніемъ русскаго паломника Антонія (1200 г.), тѣмъ болѣе интереснымъ для насъ, что говоря о пророчествахъ, онъ соединяетъ имена Льва VI Мудраго, ὁ σοφός (Корлѣй, Кор Лей = Κύρ Λέων), и пророка Даніила. Сообщаю напередъ отрывокъ изъ путешествія Антонія по изданію П. Савваитова [1]). Дѣло идетъ о св. Софіи: «на странѣ-же

[1]) Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савваитова. (СПБ. 1872), стр. 78—9.

дверій стоитъ икона велика, а на ней написанъ царь Корлѣй ó Софосъ, и у него камень драгій въ челѣ, и свѣтитъ въ нощи по святѣй Софѣи. *Той-же царь Корлѣй, developed грамоту въ гробѣ у святаго пророка Данила, и переписалъ ю философьски, кому же быти царемъ во Царѣградѣ*, дондеже и стоитъ Царьградъ». — Посланіе пресвитера Іоанна помѣщаетъ гробницу пророка Даніила въ «пустынномъ Вавилонѣ» (singulis annis visitamus corpus Sancti Danielis prophetae cum exercitu magno in Babilone deserto)[1] — и туда-же пріурочиваетъ её другой списокъ Путе-

[1]) Характеризуя въ моей статьѣ о Вавилонской повѣсти древнее представленіе о «пустынной», населенной змѣями Вавилоніи, я указалъ на интересное отложеніе его въ народномъ повѣрьѣ: въ Солоньѣ (Sologne) разсказываютъ, что когда змѣи достигаютъ *семи лѣтъ*, у нихъ отростаютъ крылья и онѣ улетаютъ — въ Вавилонъ (Слав. сборн. II, стр. 155). — «Если обыкновенная змѣя въ продолженіи ста лѣтъ не увидитъ человѣка, то обратится въ вишаба (драконъ)», см. Этнограф. очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, въ Сборн. матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управл. Кавказск. учебн. окр. вып. II, стр. 47 и тамже стр. 107—108: преданіе о горѣ Иланъ-Дагѣ («змѣиная гора»), проклятой Ноемъ: съ тѣхъ поръ её населяютъ змѣи и крылатые драконы, являющіеся, черезъ каждые *семь лѣтъ*, на поклонъ къ царю змѣй на Араратѣ. Сл. Mannhardt, Uebereinstimmungen deutscher und antiker Volksüberlieferung (Zeitschr. f. d. Alterth. XXII, 1878), стр. 17: повѣрье въ Schässburg, въ Седмиградіи: «im August nach dem Kornschnitt sammeln sich die Krähen in Haufen von vielen Tausenden auf den Feldern und verschwinden dann für einige Wochen. Nur hin und wider sieht man eine zurückgebliebene einsam in den Stoppeln umherhüpfen; *aber von den fortgezogenen führt jede zu der Zeit eine Ähre nach dem babylonischen Turm* (F. Müller, Siebenbürgische Sagen, s. 137, 177). Die Aufklärung für diese merkwürdige Vorstellung finde ich in einer Superstition aus der Sologne: die Cocadrille, ein aus dem Ei des Hahnes ausgebrüteter Basilisk, bekommt im siebenten Jahre Flügel und nimmt dann ihren mächtigen Flug *nach dem babylonischen Turm*, dem unreinen Wohnsitz aller weltverwüstenden Ungeheuer (Laisnel de la Salle, Croyances et légendes du centre de la France. Paris 1875, I, 200). Es ist dies eine Combination auf Grund der Weissagung des Esaias

шествія Антонія, изданный И. И. Срезневскимъ [1]) и представляющій болѣе подробностей въ интересующемъ насъ эпизодѣ: «По сторонѣ же раискихъ двереи горѣ икона велика, а на неи написанъ Кор' Леи о Софонъ, а у него камень драгіи въ челѣ и свѣтитъ въ нощь во св. Софеи. Мы-же вопросихомъ что ради сеи написанъ, и церковници повѣдаша намъ, яко тои царь *Кор Леи взявъ грамоту Вавилонѣ во гробѣ у св. пророка Данила* и о собя содержа; по смерти же его по мнозѣхъ лѣтѣхъ *принесена бысть въ Царьградъ* и приведена бысть отъ философъ на греческій языкъ. Написано бысть имена въ неи цареи Греческихъ, кому царемъ быти дондеже стоитъ Цареградъ».

Эти показанія Антонія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ чертамъ: Императоръ Левъ Философъ взялъ — или послалъ взять (сл. «принесена бысть въ Царьградъ») въ Вавилонѣ, въ гробницѣ пророка Даніила, грамоту, которую либо самъ истолковалъ («переписалъ») философски, либо перевели позднѣе философы на греческій языкъ. Въ ней были написаны имена будущихъ царей, кому быть царемъ, пока стоитъ Царьградъ.

Таково въ сущности содержаніе и того эпизода русской Повѣсти о Вавилонѣ, который я назвалъ: Посланіемъ византійскаго императора Льва въ Вавилонъ. Къ грамотѣ, къ «глаголу знаменія» присоединилось еще и вещественное перенесеніе регалій; гробница пророка Даніила замѣнена гробницей св. трехъ отроковъ, связанныхъ съ прор. Даніиломъ уже въ библейскомъ

über Babylon XIII, 21»; слѣдуетъ, разумѣется, признать посредство средневѣковыхъ представленій о пустынномъ Вавилонѣ. Сл. еще Sébillot, Traditions et superstitions de la haute-Bretagne, t. II, p. 218: A une certaine époque, ou quand ils ont fini leur vie (?), tous les reptiles vont à Babylone; ils montent dans la grande tour.... et quand la cloche sonne, ils retombent dans un trou.... Quand les serpents n'ont pas vu de monde pendant sept ans, ils allongent comme des pieds de maré (houe); c'est à ce moment qu'ils vont à la tour».

[1]) И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LX, стр. 343—4: Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Царяграда въ XII в.

разсказѣ. Какъ объяснить эту замѣну — я не знаю; по свидѣтельству Кодина мощи пророка Даніила были положены царицей Еленой въ церкви св. Романа, сооруженной ею близь Романовыхъ вратъ [1]).

Такъ или иначе — разсказъ Антонія нельзя отдѣлить отъ посланія Льва въ русской Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Это даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что уже въ XII вѣкѣ существовала въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени главнаго дѣйствующаго лица съ *посланіемъ* русской повѣсти; 2) что *посланіе* это явилось эпическимъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи загадочныхъ пророчествъ о судьбѣ Византіи, въ которыхъ знаменательно чередовались имена Даніила и Льва Мудраго.

Для литературной исторіи вавилонской повѣсти не безъинтересенъ тотъ фактъ, что ея баснословные мотивы проникли — въ отреченное житіе свв. Кирика и Улиты, какъ такимъ-же образомъ Акиръ Премудрый славянской повѣсти — въ чудо св. Николая. Кирикъ и мать его Улита жили при Александрѣ и Максиміанѣ, говоритъ житіе, встрѣтившееся мнѣ въ сборникѣ г. Сырку; въ Тарсѣ первый подвергаетъ ихъ различнымъ мукамъ; при видѣ одной изъ нихъ — ихъ сбираются ввергнуть въ котелъ съ кипящею смолою, масломъ, воскомъ, — Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ её напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей «ѿтъ пещи» Ананія, Азарія и Мисаила и пророка Даніила изъ львинаго рва [2]). — Что слѣдуетъ далѣе, переноситъ насъ къ чертамъ Вавилонской повѣсти. «Не вѣсы́ ли, мти моа́, е҆гда Маѯїмиа̀нь цр҇ь повелѣ наю̀ въложи́ти въ кора̀бь и҆ сточѝть наю̀ ѿ свое земле? Бехꙋ бо та̀мо ѕверїє мноѕи̇, не мо-

[1]) Савваитовъ, l. c. прим. 165 на стр. 135.

[2]) Въ житіи свв. Кирика и Улиты, помѣщенномъ въ Acta Sanctorum, (Junii IV, подъ 16 числомъ, стр. 27) сынъ также ободряетъ мать напоминаніемъ Божьей помощи: примѣры: три отрока въ пещи, Сусанна, Даніилъ во рвѣ львиномъ. — Слѣдующаго въ славянскомъ текстѣ эпизода нѣтъ.

жеть ѐзыкь члвчь ни́ исчесты, и ѐхидни аспидь; бѣше бо тꙋ змей великы, ѡпашь ѐго досезаше до оусть ѐго и посрѣ ѐго блато ѡбьстоаше миноующе .н. дни. И гризеше травѣ и тръстїе, и хотѣхоу наю пожрѣти ѕверїе тїи, нь Бь спсе наю, и избави на ѡт звѣри люты. Не вѣси ли мты моа: ѐгда придоховѣ кь *вавулону градоу*, и ѡбрѣтоховѣ ѐго пуста, и бѣху тꙋ звѣрїе мноѕи, и ни ѐдинь кь намь не прикоснусе? Не вѣси ли мты моа ꙗко ѐгда придоховѣ на рѣцѣ мадиамли, та бо ѥ рѣка исходеще ѡт бездны и с пекломь течеть размесь, тоу же реку не можеть ни ѐдинь члвкь прѣйти, нь божїемь повеленїемь въ су прѣходить, и тогда придуть въси ѕверїе, темже ѥ камень зелѥль, — а ми прѣйдоховѣ въ днь четвртѣ повелѣнїемь бжїемь?»

Образъ пустаго, населеннаго чудовищами Вавилона ясно напоминаетъ содержаніе повѣсти. Обращу вниманіе лишь на одну подробность: на переходъ черезъ рѣку, къ которой, въ урочное время (въ субботу), собираются звѣри, потому что только въ этотъ день она проходима; у тѣхъ звѣрей какой-то, очевидно чудодѣйственный, камень *зелель*. Я указываю, въ параллель, на чудесное быліе Вавилонской Повѣсти и Аполлонія Генриха von Neustadt; вспомнимъ кстати, что въ нѣмецкой поэмѣ Лоній, возвращаясь изъ пустыннаго Вавилона, принужденъ перебраться черезъ рѣку и дѣлаетъ это при помощи своихъ перстней, подкрѣпивъ себя и коня зельемъ, которымъ снабдилъ его властитель звѣрей, баснословный Milgot.

III.

КЪ СКАЗАНІЮ О ПРЕНІИ ЖИДОВЪ СЪ ХРИСТІАНАМИ.

Разбирая сказаніе о двѣнадцати пятницахъ элевѳеріевской редакціи, я подробно разсмотрѣлъ мотивъ пренія, нашедшій выраженіе то въ формахъ мистической легенды, то въ веселой

новеллѣ, распространенной на западѣ и у насъ [1]). Въ послѣдней препирающимися являются: еврей и бродяга Freiheit (Disputatz Розенблюма), либо жидовскій философъ и скоморохъ (русская повѣсть), или: магометанинъ и христіанскій священникъ, монахъ (Сорокъ визирей). Я остановился съ умысломъ на тѣхъ пересказахъ, гдѣ споръ ведется между представителями двухъ религій — и рѣшается въ пользу той или другой, смотря по вѣроисповѣданію разсказщика: у магометанъ побѣждаетъ магометанинъ, у насъ побѣжденнымъ является еврей. — Споръ ведется знаками, значеніе которыхъ каждый изъ спорщиковъ понимаетъ различно; отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній, тѣмъ не менѣе приводящихъ къ торжеству праваго дѣла. У Розенблюма Еврей поднимаетъ вверхъ одинъ палецъ, выражая тѣмъ,

wie *ein* gerechter weg nur sei;

Freiheit отвѣчаетъ ему, поднявъ два пальца, которые еврей толкуетъ такъ, что его противникъ указалъ ему на два пути,

und wie sie bed auch gerecht sein,
der ein zu freud, der ander zu pein,
das ist gen himmel und gen hell.

У Аккурсія греческій мудрецъ препирается съ придурковатымъ Римляниномъ (stultus): Graecus sapiens nutu disputans coepit et elevavit unum digitum, unum deum significans; stultus credens, quod vellet eum uno oculo excaecare, elevavit duos et cum eis elevavit etiam pollicem, sicut naturaliter euenit, quasi caecare eum vellet utroque. Graecus autem credidit quod Trinitatem

---

[1]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, II, VI: Freiheit — Элевѳерій. Къ тексту Элевѳеріевской легенды, изданной мною по парижскому списку, стр. 124—5, см. замѣчанія о. Мартынова въ Памятникахъ древней Письменности, вып. III, стр. 32. — Старосѣверный разсказъ, отвѣчающій глоссѣ Аккурсія (Опыты l. c. стр. 97—98), изданъ недавно Gering'омъ, Islendzk Aeventyri, I, стр. 239—244: Af rómverska dáranum.

ostenderet. На самомъ дѣлѣ Freiheit понялъ, что, поднявъ палецъ, Еврей угрожалъ ему выколоть глазъ — онъ и посулилъ ему выколоть *оба*. Такъ и въ одномъ варьянтѣ русской повѣсти: «і паки став Тараска жидовинъ, единъ перстъ уставя скомороху; і помысливъ скоморохъ: то ми хощетъ глас выколот — и скоморох ему два перста устави: аз тебѣ два глаза выколю». — Что разумѣлъ подъ тѣми знаками жидовинъ, изъ разсказа не видно. — Новую подробность приноситъ другой варьянтъ: скоморохъ — *кривъ;* «жидовинъ Тараска уставилъ на него одинъ перстъ и помысли: «Богъ единъ сотвори человѣка единаго Адама», а скоморохъ помысли, «что де азъ кривъ и онъ хочетъ и другой глазъ выколоть», и постави ему концемъ два перста и мысляше: «Я де тебѣ и оба выколю». Тараска же мысляше: «Азъ де загадалъ, что Богъ сотвори Адама, а онъ де казалъ: той-же сотвори и Евву». И мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творитъ». — Замѣтимъ, что въ одной западной новеллѣ, приведенной Регисомъ, точно также спорятъ испанскій посолъ при дворѣ Якова I англійскаго и *кривой* мясникъ изъ Абердина, усматривающій въ пальцѣ, поднятомъ противникомъ, желаніе поглумиться надъ его тѣлеснымъ недостаткомъ.

Откуда взялась черта нашей повѣсти, что христіанскій скоморохъ, побѣждающій жидовина, представляется *кривымъ?*

Намъ придется по этому поводу познакомиться съ особой повѣстью о «преніи» христіанъ съ невѣрными, распространенною въ западныхъ и греко-славянскихъ пересказахъ [1]).

[1]) Къ библіографіи см. Schimpf und Ernst von Johannes Pauli, hrsg. v. H. Oesterley, p. 378—80, № 683-й. Издатель указываетъ въ примѣчаніяхъ на существованіе того-же разсказа въ другихъ памятникахъ: Herolt, Sermones discipuli de tempore et de sanctis et Promptuarium exemplorum (Nuremb. 1486), f. 6 (Vincentius Bellovacensis, Spec. historiale, Duaci 1624, f. 1225); Bernardinus de Bustis, Rosarium sermonum, Hagen, 1503, I, 98, Z (Marco Nic. Polo); Speculum exemplorum, Daventr. 1481, 9, 145; ed. Major, Duaci, 1611, 422; Geiler, Das Evangeli bůch. Straszb. 1515, f. 70[b], sign. Mij verso; id. Evangelia, Straszb. 1522, f. 73[b], sign. N verso.

I.

Марко Поло[1]) разсказываетъ о чудѣ, приключившемся между *Багдадомъ* (Baudas) и *Мосуломъ*. Какой-то багдадскій калифъ денно и нощно думалъ съ приближенными ему духовными лицами, какъ — либо извести подвластныхъ ему христіанъ, либо обратить ихъ въ исламъ. Въ св. Писаніи они открыли изреченіе, что если у христіанина есть вѣра хотя-бы съ горчичное зерно, и онъ велитъ сдвинуться горѣ, она сдвинется (Матѳ. XXI, v. 21—22; XVII, v. 19—20). Христіане, созванные калифомъ, подтвердили истинность этихъ словъ, и калифъ, не сомнѣваясь, что между ними найдется потребное количество вѣры, предлагаетъ имъ на выборъ: либо сдвинуть ту гору, либо принять исламъ или умереть. Сроку на размышленіе дано десять дней. Восемь дней и восемь ночей молятся, собравшись вкупѣ, христіане; наконецъ Господень ангелъ открылъ нѣкоему благочестивому епископу: пусть обратятся къ такому-то *одноглазому башмачнику* (chabitier, zabater = savetier; въ текстѣ, изданномъ Географическимъ Обществомъ, онъ названъ и cralantur = Kalandar по догадкѣ Юля) и попросятъ его помолиться; Господь, за его святую жизнь, услышитъ его моленіе. Тотъ башмачникъ жилъ въ праведности и чистотѣ, постясь и воздерживаясь отъ грѣха, ежедневно ходя къ обѣднѣ и отдавая Господу часть своихъ заработковъ. А глаза онъ лишился такимъ образомъ однажды какая-то женщина пришла къ нему заказать баш-

---

Далеко не всѣ эти тексты были у меня подъ руками. Обычной любезности Рейнгольда Кёлера я обязанъ указаніемъ на Pauthier, Livre de Marco Polo (p. I, p. 52 слѣд. и прим. на p. 57) и извлеченіями изъ Rosarium sermonum, Speculum Exemplorum и Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon, publ. pour la Société de l'histoire de France par A. Lecoy de la Marche, Paris 1877, p. 282, № 332.

[1]) Yule, The book of ser Marco Polo, I, p. 65 слѣд. (l. I c. VII—X); сл. ib. p. CXLIX—CL (эпизодъ изъ Baudouin de Sebourg); Pauthier, Le livre de Marco Polo, I, p. XXV—XXVIII. Сл. I viaggi di Marco Polo, ed. Adolfo Bartoli, Appendice, ch. XXVII—XXX.

маки и показала ногу, чтобы снять мѣрку. А нога и лядвія у ней были красивыя; и башмачникъ ощутилъ въ себѣ грѣховныя помыслы. Слышалъ онъ часто слова св. Евангелія: если око твое соблазнитъ тя, изми его и верзи отъ себя, а не грѣши (Матѳ. XVIII, v. 9; V, v. 28, 29). И вотъ, какъ только та женщина вышла отъ него, онъ взялъ шило, которымъ работалъ, и выкололъ себѣ глазъ. Такъ-то онъ сталъ одноглазымъ.

Нѣсколько разъ было епископу видѣніе о башмачникѣ, который, узнавъ о возлагаемыхъ на него надеждахъ, объявляетъ себя недостойнымъ, но уступаетъ общимъ просьбамъ. Въ назначенный день сто тысячъ христіанъ, отстоявъ обѣдню, идутъ процессіей, съ распятіемъ во главѣ, въ долину, за которой возвышалась гора и гдѣ ожидалъ ихъ калифъ съ вооруженными Сарацинами, готовыми истребить ихъ, еслибъ не совершилось чудо. Но оно совершается, по молитвѣ башмачника, къ ужасу Сарацинъ, большая часть которыхъ принимаетъ христіанство; калифъ также крестится тайно, по его смерти на немъ нашли шейный крестъ, почему и погребли его отдѣльно отъ другихъ калифовъ.

Нѣкоторые латинскіе тексты путешествія Marco Polo пріурочиваютъ чудо къ *Таврису;* Rosarium Sermonum predicabilium (Pars prima, fol. XCVIII[a]) начинаетъ свой пересказъ легенды указаніемъ на города *Baldac* и *Taurisium*, гдѣ жили подвластные невѣрнымъ христіане. Дѣйствующія лица легенды: Калифъ и «quidam christianus simplex et idiota, sed veracem fidem habens», въ простотѣ сердца допрашивающій епископовъ, точно-ли Христосъ сказалъ слова, на которые сослался калифъ. Получивъ увѣреніе, онъ идетъ со всѣми къ горѣ и «cum martello montem percussit, dicens: O mons, precipio tibi in nomine domini nostri Jesu Christi et in virtute fidei christianae, ut proiicias te in mare. — Ничего не сказано о томъ, что онъ башмачникъ и одноглазъ, и о причинѣ этого недостатка. Въ концѣ помѣчено: Et hoc miraculum retulit Marcus Nicolai ꝑolo (sic) venetus de visu, qui tunc erat in partibus illis (?).

По разсказу одного миссіонера XVI вѣка чудо съ горок (Manhuc) совершилось между *Таврисомъ и Накшиваномъ*[1]).

Въ Speculum exemplorum (Distinctio nona, Exemplum CXLV) мѣстность не названа; годъ, хотя и ошибочный (Anno domini CXXV), указываетъ, быть можетъ, на текстъ Marco Polo у Рамузія, гдѣ чудо отнесено къ 1225 году (CXXV вм. MCCXXV?); Caliphus rex Tartarorum даетъ христіанамъ десятидневный срокъ, спасителемъ является *sutor monoculus*. Подробности о женщинѣ нѣтъ.

Yule предполагаетъ, что соотвѣтствующій эпизодъ Baudouin de Sebourg, старофранцузскаго романа XIV вѣка, обличаетъ знакомство его автора съ Marco Polo и, между прочимъ, съ легендой о чудѣ. Замѣтимъ, однако, что въ романѣ пересказъ чуда представляетъ отмѣны, сближающія его съ редакціей Johannes Pauli и Geiler'a, а это указываетъ на какой нибудь общій источникъ, можетъ быть параллельный съ Marco Polo.

Baudouin, разбитый бурею въ Индѣйскомъ морѣ, выброшенъ на берегъ въ странѣ Багдадской (Baudas), у города Falise на рѣкѣ Baudas, жители котораго

.... ne creoient Dieu, ne Mahon, ne Tervagant,
Ydole, cruchefis, diable ne tirant.

Въ самомъ городѣ Baudas = Багдадѣ жило около ста человѣкъ христіанъ, платившіе Калифу за право существованія. — Я опускаю нѣсколько приключеній Baudouin, чтобы перейти къ слѣдующему: Baudouin заболѣлъ и принужденъ продать своего коня и оружіе; болѣзнь его на столько злокачественна, что его выгоняютъ изъ дому; сидя на камнѣ онъ продолжаетъ исповѣдывать Христову вѣру, говоритъ, что еще мало взысканъ былъ за свои прегрѣшенія и не ропщетъ, когда въ христіанскомъ кварталѣ никто не подаетъ ему милостыни.

---

[1]) Yule, l. c. съ ссылкой на Gravina, Christianità nel' Armenia etc. Roma, 1605, p. 91.

Ensement Bauduins chelle rue cherqua
Tant qu'à un *chavetier* Bauduins s'arresta
Qui chavates cousoit; son pain en gaaigna,
Jones fu et plaisans, apertement ouvra;
Boudouins le regarde, c'onques mot ne parla.

Милосердый башмачникъ подаетъ ему хлѣба, пару башмаковъ и сѣрый плащъ, не по росту короткій; онъ предлагаетъ Бодуэну *выучить его своему ремеслу*, но тотъ, какъ рыцарь, горделиво отказывается. — Слѣдуетъ за тѣмъ знакомое намъ объявленіе Калифа, наущеннаго старымъ Сарациномъ, знавшимъ тридцать языковъ, между прочимъ еврейскій и латинскій: христіанамъ предлагаютъ двинуть своими молитвами гору Thir въ долину *Ioaquin*. Невѣдомый голосъ указываетъ имъ на святаго человѣка, живущаго у башмачника, и Бодуэнъ совершаетъ чудо. Калифъ крестится, уступаетъ свое царство Бодуэну, а тотъ — башмачнику.

За сообщеннымъ эпизодомъ старофранцузскаго романа я предполагаю существованіе слѣдующей схемы: Бодуэнъ выброшенъ бурей на берегъ, пріютился у башмачника, учится его ремеслу, и, ставъ его наслѣдникомъ, совершаетъ знакомое намъ чудо. Такова схема легенды у Johannes Pauli; новымъ является отождествленіе башмачника чуда съ башмачникомъ легенды объ ап. Маркѣ, встрѣчающейся отдѣльно, напр. въ Speculum Historiale Винценція изъ Бовэ[1]). Внесеніе ап. Марка стоитъ въ связи

---

[1]) Spec. historiale, l. X, c. LVII (De gestis sancti Marci evangeliste):... cum.... autem venisset Alexandriam, mox ut urbem ingressus est, calciamentum ejus disruptum est, quod ipse intelligens ait: Vere iter meum expeditum est. Quendam vero conspiciens qui suere vetera solitus erat, calciamentum tradidit corrigendum. Quod cum faceret, sinistram manum vulneravit et exclamavit: Unus Deus! Audiens Marcus quod ille dixerat Unus Deus, ait inter se gaudens: Prosperum fecit Deus iter meum. Et expuens in terram unxit manum viri dicens: In nomine Hiesu Christi fili dei! Et confestim sanata est manus ejus. — По его просьбѣ апостолъ

съ перенесеніемъ мѣста дѣйствія изъ Багдада въ Александрію; у Гейлера въ его Evangelibuch (ed. Oesterley), при часто буквальномъ тождествѣ разсказа, отличіе то, что дѣйствующимъ лицомъ является не Kaiser, а какой-то «*Künig von Babiloni*», т. е., несомнѣнно, Каира [1]).

Вотъ разсказъ Pauli.

Богатый купецъ, по имени Аманъ (Amanus), терпитъ кораблекрушеніе, направляясь въ Александрію, куда является нищимъ. Онъ поступаетъ въ обученіе къ одному башмачнику, платавшему старую обувь, по смерти котораго самъ становится мастеромъ. «Es fügt sich das sant Marx der ewangelist dar kam, und was im ein bletz von einem schůh gebrochen, den wolt er wider lassen machen, und kam zů disem Amano, der setzt in im wider uff, und sant Marx lag uff dem laden und lůgt im zů. Amanus sahe in als an, und dunckt in wie etwas götlichs usz seinem angesicht gieng, und uber sahe es, und stach sich mit der alen durch ein hand, und fieng an zů schreien und sprach. O ewiger Got wie ist mir so we. Sant Marx salbt im die wunden mit speichlet, da was er gleich gesunt, also predigt er im, und taufft in, und underwisz in in dem ꝯristen glauben und liesz im sein evangelienbůch. Sant Marx zohe hinweg, diser Amanus nam fast zů, und macht vil cristen, und thet grose wunderzeichen. Es fügt sich das iuden zů Babiloni die cristen gern hetten vertriben und umbracht, und kamen zů dem Keiser und sprachen. Her, ir haben ein berg da an dem ort, den hetten ir gern hinweg, berüffen dy cristen, und sagen inen, das sie dem berg gebieten, das er hinweg gang, oder ir wöllen sie lassen döten, war ir glaub

---

поселяется у него, креститъ его и ставитъ епископомъ; его имя Auianus. Полагаю, что *Amanus* слѣдующаго далѣе разсказа Pauli — описка вм. *Auianus*.

[1]) См. мою «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», Славянскій Сборникъ т. 2-й, стр. 153; сл. Zingerle, въ Sitzungsberichte d. phil. hist. Cl. der Wiener Ak. 1865, B. 50, p. 371 слѣд.

sei nit gerecht. Wan Christus spricht in dem ewangelio, wan ir ein glauben haben eins senfkörnlins grosz sprechen ir zů dem berg, gang da hinweg, so würt er es thůn». Согласно съ этимъ царь дѣлаетъ такое именно предложеніе епископу, который, испросивъ себѣ сроку, налагаетъ на свою паству трехдневный постъ и молитву. Ангелъ Господень является ему и говоритъ, что никто не въ состояніи будетъ подвинуть гору, кромѣ *кривато* Амана. Чудо состоялось въ назначенный день: по молитвѣ Амана «fieng der berg an zů laufen, als ein schiff uff dem mer, und lieff gegen der stat Babiloni. Da erschrack der keiser fast ubel und forcht er würd die stat gantz verderben und bat Amanum das er dem berg gebüt stil zůston. Da thet es Amanus, da stůn der berg stil, und stot noch da. Diser Amanus da er in dem ewangelien bůch gelessen het, ergert dich dein aug, so stich es usz, das hat er gethon, *er stach im selber ein aug usz.* Zwo hübsche frauen giengen für sein laden anhin, die sahe er an, und er begert ir unordenlich, und verstůnd die geschrifft nit recht(?), darumb ward er darzů erwelt dem berg zůgebieten».

II.

Локализація легенды въ *Александріи* и *Каирѣ*-Вавилонѣ сближаетъ разсказъ Pauli и Geiler'а съ группой греческихъ и славянскихъ. На востокѣ[1]) чудо съ горою примкнуло къ имени *александрійскаго* патріарха Іоакима (избранъ въ 1486 году), о которомъ повѣствовалось и другое: врачъ египетскаго султана Гаври, *еврей*, сталъ вождемъ заговора, имѣвшаго цѣлью истребленіе или вытѣсненіе христіанъ; съ согласія султана онъ приготовилъ

[1]) Сл. Малышевскаго, Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви (Кіевъ, 1872), стр. 163—165, прим. 1; сл. стр. 158, прим. 1, стр. 161—2 и 167—8, прим. 2. Слѣдующія далѣе подробности заимствованы изъ этой книги.

ядъ и, чтобъ подъ благовиднымъ предлогомъ заставить патріарха выпить его, посовѣтовалъ потребовать оправданія словъ Евангелія: «аще что смертное испіютъ, не вредитъ имъ». Патріархъ вышелъ побѣдителемъ изъ испытанія, а врагъ, принужденный выпить изъ той-же чаши не самый ядъ, а лишь воду, въ ней взболтанную, погибъ. — Такъ въ разсказѣ Синайскихъ старцевъ, приходившихъ въ Москву къ Іоанну Васильевичу съ граматою отъ Іоакима и Синайскаго архіепископа Макарія отъ 20 окт. 1557 г.— и въ Сказаніи Трифона Коробейникова, бывшаго въ Каирѣ въ 1584 г. — Легенда, переведенная однимъ Коптомъ съ арабскаго языка на греческій въ 1688 г. и открытая преосвящ. Порфиріемъ, присоединяетъ къ чуду съ ядомъ — и чудо съ горою, подвинувшейся по молитвѣ Іоакима и монаха τζαγγάρης, т. е. *башмачника, сапожника;* еврей названъ — Муза, онъ γραμματικὸς τοῦ διβανίου; имя царя — Μίναξ. — Тоже соединеніе двухъ чудесъ представляетъ краткая греческая повѣсть Христофора Ангела[1]), выводящая дѣйствующимъ лицомъ одного лишь безъименнаго патріарха: Евреи, жившіе въ Каирѣ, убѣдили пашу (πασίας: «τουτέστιν Λατεινικῶς καλεῖται Πρίντζεψ»), обѣщаніемъ двойной подати, чтобъ онъ потребовалъ отъ христіанъ подтвержденія словъ Христовыхъ: «ὁ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεθιστάνειν» (Matth. XVII, v. 20) и «κἂν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψει ἐκείνῳ» (Marci XVI, v. 18). Патріархъ выпиваетъ, безъ

---

[1]) Christophori Angeli Graeci De statu hodierno Graecorum Enchiridion Graece conscriptum, jam correctius cum versione Latina e regione posita et annotationibus multo quam antea locupletioribus, cura Georgii Fehlavii, Ecclesiastae Dantiscani, adornatum. Lipsiae, 1676, 4°, Cap. XXVI, p. 550—560. За выдержки изъ этого изданія, о существованіи котораго я узналъ изъ работы Малышевскаго, приношу благодарность Р. Кёлеру и Ѳ. Д. Батюшкову. Самъ я могъ пользоваться изданіемъ 1678 г. (Franequerae, ex officinâ Johannis Gyselaer), изъ котораго (p. 54—58) помѣщенъ далѣе въ Приложеніи разсказъ о чудѣ; на стр. 4—8 перепечатаны Dedicationes graeco exemplari anno MDCXIX in typographia Academiae Cantabrigiensis publicis typis edito praefixae.

вреда для себя, чашу сильнаго яда, осѣнивъ её знаменіемъ креста, что̀ было ему воспрещено; но онъ обошелъ этотъ запретъ, спрашивая Калифа: съ какой стороны чаши онъ прикажетъ ему пить, съ этой, или той и т. д. и такимъ образомъ въ четырехъ мѣстахъ на-крестъ касается пальцами краевъ чаши. — Еврей, выпившій послѣ того воды, въ нее влитой, тотчасъ-же умираетъ. — Слѣдуетъ за тѣмъ другое испытаніе вѣры: христіане проводятъ въ молитвѣ три дня и три ночи, послѣ чего тотъ-же патріархъ простираетъ руку къ горѣ, съ словами: Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. И гора двинулась и остановилась лишь когда патріархъ благословилъ её, сказавъ: Στῆθι ὄρος. Такъ она зовется и по сю пору, τουρκικῇ δὲ γλῶττα καλεῖται ΔΤΟΡΔΤΑΓ, τουτέστι, στῆθι ὄρος. Патріархъ не воспользовался своимъ правомъ: умертвить Евреевъ, но, съ дозволенія паши, даровалъ имъ жизнь подъ условіемъ: возить на свой счетъ Нильскую воду въ выше расположенный Каиръ, — что̀ они и до сихъ поръ дѣлаютъ [1]).

Замѣтимъ хронологичсское показаніе въ началѣ сообщеннаго разсказа: что чудо совершилось πρὸ ἑξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλεῖον. Если это — замѣтка Христофора Ангела, то, отправившись отъ 1619 году, т. е. перваго изданія Энхиридія, мы придемъ приблизительно къ 1560-му году, т. е. послѣднимъ годамъ патріаршества Іоакима, оставившаго каѳедру въ 1565—6 гг. Но дѣло въ томъ, что русскій паломникъ Гогара, бывшій въ Александріи въ 1634 году и передающій легенду съ нѣкоторыми отличіями отъ Христофора Ангела, также говоритъ о чудѣ, какъ о совершившимся *60 лѣтъ тому назадъ*. Это совпаденіе можетъ

---

[1]) Къ этому разсказу въ изданіи 1676 г. замѣчено, p. 560: Tale etiam legitur apud Discipulum de Tempore (= Herolt) de Calipha Rege Tartarico. Simile quid refert ex Petr. de Natalibus in Catal. Sanct. Lib. 9 cap. 19 Theatrum V. H. Beyerlingi Lit. F. Fides, p. 104. Et de Graecis sub Mahometo narrat M. Paulus Venetus de Regionibus Orientalibus Lib. I, c. 18 in Theatr. Beyerl. p. 107 a.

быть истолковано въ томъ смыслѣ, что тотъ и другой имѣли передъ собой какую-нибудь болѣе древнюю запись преданія, и выкладка г. Малышевскаго, основанная на текстѣ Гогары (1634—60=1574) оказывается во всякомъ случаѣ сомнительной [1]).

Современное Синайское преданіе, сообщенное преосв. Порфиріемъ, знаетъ лишь чудо съ горою: Жилъ нѣкогда въ *Каирѣ* одинъ сапожникъ, провославный христіанинъ, неизвѣстно какъ называвшійся по имени. Въ то время Калифомъ былъ одинъ весьма жестокій человѣкъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ патріарха Александрійскаго и сказалъ ему: въ книгѣ вашей говорится, что кто изъ васъ скажетъ горѣ какой-нибудь: двинься съ мѣста, то гора подвинется. И такъ: или ты сдѣлаешь то, что говорится въ книгѣ вашей, и докажешь, что вѣра ваша истинна, или принимай исламъ со всѣмъ твоимъ народомъ, если хочешь жить на свѣтѣ. — Никакое возраженіе патріарха не было принято. Онъ былъ въ отчаяніи, вышедши отъ калифа. Ночью во снѣ кто-то повелѣлъ ему отыскать въ городѣ такого-то *цангаря* (сапожника) и просить его сдѣлать передъ калифомъ требуемое чудо. Цангарь былъ отъисканъ и послѣ долгихъ отговоровъ упрошенъ подчиниться волѣ Божіей и пойти съ патріархомъ къ Калифу. Калифъ, не менѣе патріарха изумленный видомъ приведеннаго, созвалъ весь свой синклитъ и множество народа на небывалое зрѣлище. Бѣдный цангарь помолился Богу и въ простотѣ сердца сказалъ первой, какая была передъ глазами, гора: двинься! Гора двинулась. Калифъ и весь народъ въ одинъ голосъ закричали: стой, стой! Христіанство этимъ не только спаслось въ Египтѣ, но и получило разныя привилегіи. Гора получила имя: *Дурда* (стой). А цангарь, вошедшій въ величайшую славу друга Божія и чудотворца, не вынесъ своего положенія и скрылся на Синай. Но и здѣсь добродѣтель его не замедлила просіять. Въ первый-же разъ, какъ онъ поднимался изъ монастыря на гору Божію и, изнемогши отъ усталости

[1]) Малышевскій, l. c., стр. 181 и 165 прим.

и жажды, сказалъ: Если бы тутъ была хоть капля воды! вода вдругъ просочилась изъ-подъ камня (= ключъ Ца́нгаря). Чудотворецъ долго жилъ тутъ и тутъ-же почилъ о Господѣ [1]).

Славянорусскіе пересказы легенды о чудѣ съ горою, восходящіе къ XIII вѣку, удерживаютъ александрійское пріуроченіе, знаютъ одноокаго чудотворца и поводъ къ его самоистязанію, но въ отличіе отъ знакомыхъ намъ разсказовъ называютъ его не башмачникомъ, а *златокузнецомъ*, *златоковачемъ*. Этотъ загадочный для меня варьянтъ имѣлъ, впрочемъ, болѣе широкое распространеніе, судя по версіи нашего чуда у Étienne de Bourbon: item *audivi* a quodam magno quod, cum in quibusdam partibus oppressissent gentiles.... начинаетъ онъ свой пересказъ; властитель той страны (rector illius terrae) требуетъ отъ епископовъ и священниковъ оправданія словъ Христа: Si habueritis fidem и т. д. Далѣе легенда совпадаетъ съ редакціей Rosarium sermonum, но дѣйствующее лицо — *faber* quidam catholicus, ударяющій гору своимъ *молотомъ*. Можетъ быть, и оригиналъ Rosarium, въ которомъ намъ встрѣтился тотъ-же эпизодъ, зналъ его героя ковачемъ — faber?

Сообщаемъ пересказъ Пролога, воспроизведенный и въ Макарьевскихъ Минеяхъ [2]):

«Въ Алексан'дрѣи Егупетьстѣй бяше нѣкто златокузнець, славенъ зѣло въ всемъ градѣ томъ, хытрости ради рукодѣлія

---

[1]) Преосв. Порфирій, Изъ Записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1872, май, стр. 297—8; сл. его-же: Первое путешествіе на Синай, стр. 175.

[2]) Легенда о чудѣ встрѣчается уже въ Хлудовскомъ Прологѣ 1262 г. (сл. Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славянорусскаго печатнаго Пролога, стр. 209, прим. 5). Обыкновенно она стоитъ подъ 7 октября: такъ въ печатномъ Прологѣ и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ (сл. А. Ѳ. Бычкова, Описаніе слав. и русск. рукописн. сборн. Имп. Публ. Библ., № XLVII, ч. I-я, стр. 222), тогда какъ другіе помѣщаютъ его подъ 6-мъ, равно какъ и Макарьевскія Минеи. Мы слѣдуемъ тексту послѣднихъ, кое гдѣ исправляя по проложнымъ.

своего. К сему пріиде нѣкая жена, моляшеть и главную сътворити утварь на красоту своего телесѣ. Бывшю же съвъпрошанію ихъ и бесѣдѣ, нача глаголати жена, юже к любодѣянію подобна, и блазняшеся златокузнецъ в' помыслехъ на ню. Ти, яко быв'шю бѣсовьску плѣненію о грѣсѣ и осязанію рукама и помизанію очима и неподобному смѣху, преже даже не устрѣмися къ грѣху, и помяну слово іеѵангельское, въ нем'же мѣстѣ глаголетъ: аще съблажняеть тя рука твоя десная или нога, отсѣці ю, или око, избоди е; луче бо ти есть клосну съ единѣмъ окомъ внити въ царство небесное, нежели цѣлыи уды имущу въвер'жену быти въ езеро огненное. И възрѣвъ на жену рече: Мало ми отступи, хощю бо сътворити повелѣная намъ, — и иземъ ножъ, удари ся въ око десное и рече: Виждь, Господи, яко съхранитель заповѣдей твоихъ есмь; да егда въстребую помощи отъ тебе, не удалися отъ раба твоего». Въ дальнѣйшемъ разсказѣ отмѣтимъ слѣдующее: Египтомъ владѣютъ Сарацины, въ Александріи «мучитель лютъ на Христіаны» принуждаетъ ихъ причаститься къ скверной могаметовой вѣрѣ — и предъявляетъ епископу извѣстное намъ требованіе: повергнуть въ Нилъ гору Адаръ; если чудо совершится, «въ ослабѣ послужите Христу вашему; аще ли ни, то все богатьство христіаньское взято будетъ въ ризницю цареву, вы же вся мотыла и проходы наша изъ града сего потребити (вар.: требити, истребити) имате». Христіанамъ дается восемь дней сроку; епископъ собираетъ 3000 христіанъ, не считая женщинъ и дѣтей, на моленіе и всенощное стояніе; жена повѣдаетъ ему о праведномъ златокузнецѣ, за которымъ посылаютъ. На третій день всѣ идутъ къ горѣ и трижды обходятъ её съ крестами; она движется по молитвѣ кузнеца и останавливается лишь тогда, когда невѣрные обѣщали креститься. Иные такъ и сдѣлали; «нечестивіи же в'писаша клят'ву оттолѣ и до вѣка не пакостити хрѣстіаномъ».

Въ 1634 году то-же преданіе *слышалъ*, будто-бы, въ Александріи русскій паломникъ Гогара. Ничто не мѣшаетъ намъ повѣрить этому его заявленію — на сколько оно не касается

редакціи его разсказа, несомнѣнно обличающей двоякое литературное вліяніе. Во первыхъ вліяніе Пролога — Минеи, хотя бы напр. въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Гогара.

Въ то же время *приступи* етера *жена ко епископу и сказа ему о златоковачѣ*, и еже все *умышленье прежнее* на него-же *исповѣдая*, и его *твердую вѣру* и не приложную любовь къ Богу. Азъ бѣхъ, рече, любодѣяніе хотѣхъ съ нимъ сотворити; онъ же, яко твердый адамантъ, не поколебися и не *прельстися* на грѣхъ *любодѣянія*, *изболе десное око свое. Слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришествіи собора*, *и посла по него* вскорѣ».

Минеи.

Приступи же она *жена къ епископу и сказа ему о златокузнеци*, *исповѣдающи ему преже свое умышленіе и того твердую* Христову *вѣру*: ꙗко не *прельстися* моими *любодѣйливыми* словесы, но *свое десное око избоде. Си слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришед'шемъ соборѣ, и посла по нь.*

Другимъ источникомъ, съ которымъ могъ справляться Гогары, было какое-нибудь греческое сказаніе, близкое, по нѣкоторымъ подробностямъ, къ тексту Христофора Ангела. Какъ въ немъ повѣствуется о событіи, совершившимся *за шестьдесятъ лѣтъ* или болѣе, такъ и у Гогары: *лѣтъ шестьдесятъ;* тотъ и другой кончаютъ анекдотомъ: будто *Евреи* до сихъ поръ *возятъ нильскую воду на христіанъ* въ память о чудѣ съ горою; тамъ и здѣсь Александріей правитъ *паша*

Вотъ разсказъ Гогары [1]).

«Да близъ же Египта Александрійска есть гора каменная, вельми высока, на кремлѣ городѣ, именуемая Одоръ. Да и азъ Василій про ту гору Грековъ спрашивалъ: Что сей градъ по-

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, VIII, стр. 115—117.

ставленъ близъ горы великія и страшныя, едва не осыплется на градъ? И Греки о ней повѣдаша: что та гора Одоръ давно подъ градъ пришла Божіимъ изволеніемъ *лѣтъ шестьдесятъ*. Было де у православныхъ Христіанъ прѣніе съ жидами о вѣрѣ Христіанской, что ту вѣру жидове ни во что полагаху и на Господа нашего Іисуса Христа хулу возглаголаху: что де не можете сей горы переставити; и они де за то стояли крѣпко, яко же Богъ наставилъ». Жиды подкупили турецкаго пашу и говорятъ: «аще вѣра Христіанская велика, да возмогутъ сію гору Одоръ призвати на градъ нашъ и пріидетъ (о)на гора ко Египту и падетъ въ Геонъ рѣку, то-де вѣра ихъ велика и Христосъ силенъ, и имъ де дадимъ, Христіаномъ, пять сотъ тысячъ златыхъ. Аще ли не могутъ гору сію Одоръ призвати на Египетъ, имъ де на Христіанѣхъ взять пять сотъ тысячъ златыхъ». Епископу паша далъ «на осмь днiй ослабу, да ся помогутъ», и тотъ, собравъ христіанъ, увѣщалъ ихъ стоять крѣпко и прилежно молиться.— Слѣдуютъ: явленіе и показанія жены и призваніе златокузнеца. Его молитвами гора снялась съ своего мѣста, пошла на городъ и остановилась лишь тогда, когда устрашенные горожане обѣщали креститься. «И мнози вѣроваша жиды въ Господа нашего Іисуса Христа и написаша клятву на ся оттолѣ и до вѣку не пакостити Христіаномъ.... И паша де избра лучшихъ жидовъ человѣкъ съ пятьдесятъ и предастъ смертной казни, и много казны съ нихъ взялъ, и вѣру ихъ прокляша. *Иніи же жиды и донынѣ возятъ воду на Грековъ за то прѣніе*».

Разобранные выше разсказы о чудѣ распадаются на двѣ географическія группы: оно совершается либо въ Багдадѣ, Таврисѣ и т. п. (Марко Поло и его отраженія), либо въ Александріи, Каирѣ (Pauli, Geiler's Evangelibuch, греческіе и славянскіе пересказы). Авторъ Baudouin de Sebourg зналъ редакцію съ Багдадомъ, но, можетъ быть, и александрійскую. Его герой терпитъ кораблекрушеніе, какъ Аманъ у Pauli, что̀ понятнѣе на пути къ Александріи, чѣмъ у Багдада; въ его оригиналѣ стояло, вѣроятно, и имя Іоахима; какъ объяснить иначе «*val*

Ioaquin», куда чу́деснымъ образомъ движется гора Thir? — Въ такомъ случаѣ это имя явилось въ легендѣ задолго до извѣстнаго александрійскаго патріарха. — Другой выводъ предусмотрѣнъ всѣмъ предъидущимъ изложеніемъ: кривой простецъ чудесной легенды объяснитъ намъ, быть можетъ, криваго скомороха смѣхотворнаго пренія.

Приложеніе.

Ἱστορία περὶ τοῦ μετατεθέντος ὄρους ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Αἰγύπτου διὰ προσευχῆς τοῦ Πατριάρχου ἕνεκα τῆς εὐσεβοῦς πίστεως τῶν Χριστιανῶν, καὶ περὶ τοῦ ἰοῦ, ὃν πέπωκεν ὁ Πατριάρχης τῆς Ἱερουσαλὴμ.

Πρὸ ἑξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλεῖον οἱ Ἑβραῖοι οἱ κατοικοῦντες ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Καΐρους, φθόνῳ μεγάλῳ κινηθέντες κατὰ τῶν Χριστιανῶν, διὰ τὸ γενέσθαι τὸν Πασίαν (τουτέστιν Λάτεινικῶς καλεῖται Πρίνζεψ) πάνυ φιλάργυρον, συνεβουλεύσαντο τῷ Πασίᾳ, λέγοντες, δοῦναι τῷ Πασίᾳ τὸν φόρον τῶν κατοικούντων Ἑλλήνων ἐν ἐκείνοις τοῖς τόποις δὶς τόσον φόρον, καὶ ἀποκτείνειν τοὺς Χριστιανοὺς, διὰ τὸ ψεύδεσθαι τὸν Χριστὸν λέγοντα, ὁ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεθιστάνειν, Ματθαῖος κεφ. ιζ. στοιχ. κ. Καὶ κἂν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψει ἐκείνῳ, Μάρκος, κεφ. ις. στοιχ. ιη. Τότε ὁ λυσσώδης Πασίας ἐκάλεσε τὸν Πατριάρχην καὶ λέγει· Ἡ πίστις ὑμῶν ἐστὶν ἀπάτη, διὰ τὸ λέγειν τὸν Χριστόν· Ὁ πιστεύων εἰς ἐμὲ, κἂν θανάσιμον πίῃ, οὐ μὴ βλάψεται ἐκείνῳ. Καὶ ἐν τούτῳ προσέταξεν ἵνα ὁ Πατριάρχης πίῃ ἰὸν ἔμπροσθεν τοῦ Πασίᾳ, μηδὲν σημεῖον σταυροῦ ποιησάμενος, ὅτι εἶπον οἱ Ἑβραῖοι τῷ Πασίᾳ· Οἱ Χριστιανοὶ ἔχουσι μαγίαν τὸν σταυρὸν, καὶ τότε κόπτεται ἡ ἐνέργεια τοῦ ἰοῦ. Καὶ τούτου ἕνεκα προσέταξε τῷ Πατριάρχῃ ὁ Πασίας, μὴ ποιῆσαι σημεῖον τοῦ σταυροῦ ἐν τὸ πίνειν τὸν ἰόν.

Ὁ δὲ Πατριάρχης προσκαλεσάμενος τὸν λαὸν σὺν τῷ λαῷ τρεῖς ἡμέρας προσευχόμενος ἐνήστευε καὶ ἐδέετο τοῦ Θεοῦ, καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ θυσιάσας, σὺν ὅλῳ τῷ λαῷ ἐπορεύθη πρὸς τὸν Πασίαν, ἐκεῖ παρόντων καὶ πάντων τῶν Ἑβραίων. τότε ἐκόμισεν εἷς τῶν Ἑβραίων τὸν ἰὸν καὶ δίδωσι τῷ Πατριάρχῃ πιεῖν ποτήριον πλῆρες ἰσχυροτάτου ἰοῦ. Ὁ δὲ Πατριάρχης κρατῶν τὸ ποτήριον πρὸς τὸ πίνειν, λέγει πάλιν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ· Πρόσεχε, μὴ ποιήσεις σχῆμα σταυροῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ. Ὁ δὲ Πατριάρχης, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ̣' αὑτοῦ μυστικῶς, ἐρώτᾳ τῷ Πασίᾳ, λέγων, τὸ λοιπὸν, πόθεν θέλεις ἵνα πίω ἐκ τούτου τοῦ μέρους, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ ἔθηκεν ἐν τέσσαρσι τόποις τοῦ χείλους τοῦ ποτηρίου τοὺς δακτύλους αὐτοῦ, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὑτοῦ. Τότε πάλιν λέγει ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ, πίθι ὁπόθεν θέλεις, μὴ γνοὺς, ὅτι ὁ Πατριάρχης ἐν σχήματι σταυροῦ εὐλόγησε τὸ ποτήριον. Μετὰ ταῦτα ὁ Πατριάρχης πέπωκεν ὅλον τὸ ποτήριον, καὶ μετὰ τὸ πιεῖν κελεύει ὁ Πατριάρχης ἵνα φέρωσιν ὕδωρ, καὶ κομίσαντες τὸ ὕδωρ ἔβαλεν ὀλίγον ὕδωρ ἔσω τοῦ ποτηρίου, καὶ ἔπλυνε τὸ ποτήριον. ἔπειτα λέγει τῷ Πασίᾳ· ἐγὼ πέπωκα τὸν καρπὸν ὅλον τοῦ ἰοῦ, πινέτω καὶ ὁ Ἑβραῖος μόνον τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὕδωρ, ἵνα εἴδωμεν κἀκείνου τὴν πίστιν. Τότε δίδωσιν ὁ Πατριάρχης τὸ ποτήριον τῷ Ἑβραίῳ πιεῖν, ὅδε Ἑβραῖος οὐκ ἤθελε πίνειν. τότε ὁ Πασίας ἠπείλησε τῷ Ἑβραίῳ, λέγων· πίνε, ἵνα εἴδωμεν καὶ τὴν σὴν πίστιν. Καὶ οὕτως ὁ Ἑβραῖος πέπωκε τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ, καὶ αὐτίκα ἐρράγη. Τότε οἱ Ἑβραῖοι ἔδωκαν πλείονα χρήματα τῷ Πασίᾳ, λέγοντες· μαγίαν ἐποίησεν ὁ Πατριάρχης. Καὶ λέγουσι· Περὶ τοῦ ὄρους ἄλλα λέγει ὁ Χριστός· Ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ· μετάβηθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ καὶ μεταβήσεται. Καλέσει ἔτι καὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο, καὶ ἐὰν ἔλθῃ τὸ ὄρος τὸ κατέναντι ἡμῶν πρὸς ἡμᾶς, τότε ἀποκτενέθωσαν ἡμας οἱ Χριστιανοί· Τότε πάλιν ἐκέλευσεν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ ἵνα τὸ ὄρος καλέσῃ ἐλθεῖν, ἄλλως δεῖ τοὺς Χριστιανοὺς ἀποκτανθῆναι. Τοτε ὁ Πατριάρχης ἐδεήθη τῷ Πασίᾳ, ἵνα χαρίσηται αὐτῷ τρεῖς ἡμέρας, ἵνα καὶ οἱ Ἕλληνες συμβουλὴν λάβωσιν· Ὁ δὲ Πατριάρχης σὺν τῳ λαῷ ηὔχετο μετὰ δακρύων νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ. τῇ δὲ τρίτῃ ἡμέρᾳ κατὰ

τὸ εἰωθὸς θυσιάσας, πάλιν ἠθροίσθησαν ὁμοθυμαδὸν πάντες Ἕλληνες τε καὶ Τοῦρκοι καὶ Ἑβραῖοι, καὶ ἐπορεύθησαν εἰς τὸν τεταγμένον τόπον. Καὶ τότε ὁ Πατριάρχης, ἐκτείνας τὴν χεῖρα πρὸς τὸ ὄρος, λέγει· Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. Αὐτίκα δὲ τὸ ὄρος ἐῤῥάγη εἰς μέρη καὶ ἤρχετο πρὸς αὐτούς. Ἐφοβήθησαν δὲ πάντες, μήπως καλύψῃ αὐτούς. Καὶ τότε ὁ Πασίας πάλιν λέγει τῷ Πατριάρχῃ· εἰπὲ τὸ ὄρος ἵνα στῇ. Τότε πάλιν ὁ Πατριάρχης ἐκτείνας τὴν χεῖρα εὐλόγητο τὸ ὄρος, λέγων· στῆθι ὄρος. καὶ ἐστάθη ἐκεῖ τὸ ὄρος. Καὶ ἐκ τότε ἐκλήθη τὸ ὄνομα τοῦ ὄρους ἐκείνου Στῆθι ὄρος ἕως τὸ σήμερον ἡμέρας, τουρκικῇ δὲ γλώττᾳ καλεῖται Δτουρδτάγ, τουτέστι Στῆθι ὄρος. Τότε ὁ Πασίας εἶπε τῷ Πατριάρχῃ ἵνα οἱ Ἕλληνες ἀποκτείνωσι τοὺς Ἑβραίους. Ὁ δὲ Πατριάρχης λέγει τῷ Πασίᾳ· ἡμεῖς οἱ Χριστιανοὶ οὐκ ἔχομεν ἔθος ἀποκτείνειν τοὺς ἀνθρώπους, ἀλλὰ ἀντὶ τιμωρίας αὐτῶν, φερέτωσαν τὸ ὕδορ, ὃ ῥέει ὑπὸ τοῦ Καΐρους, ῥέειν ἔσω τοῦ Καΐρους, ὥστε πίνείν πάντας τοὺς τῆς πόλεως ἀνθρώπους ἐξ ἐκείνου τοῦ ὕδατος τῶν αὐτῶν δαπάναις. Καὶ οὕτως ἐχαρήσατο τὸ ζῆν τοῖς Ἑβραίοις ὁ Πασίας, καὶ ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας οἱ Ἑβραῖοι φέρουσι τὸ ὕδωρ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ ἔσω τοῦ Καΐρους ταῖς ἰδίαις δαπάναις, πρὸς τὸ πίνειν πᾶσαν τὴν χώραν, ὅτι ὁ Καΐρος ἔστιν ἐν ὑψηλοτέρῳ τόπῳ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ, καὶ ἔστι μεγάλη δαπάνη ποιεῖν τὸ ὕδωρ ἀναβαίνειν. Δύναται ἕκαστος ἐκ τῶν ἐμπείρων, ἐμπόρων τῶν ἐκεῖσε πορευομένων μανθάνειν καλῶς, ὡσαύτως καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε πορευομένων Ἑλλήνων, ἐὰν θέλωσι λέγειν τὴν ἀλήθειαν....

Лишь при послѣдней корректурѣ этой замѣтки получилъ я легенду о чудѣ съ горою въ пересказѣ Герольта. Такъ какъ въ Веймарской библіотекѣ его Sermones не оказалось, то Reinhold Köhler сообщилъ мнѣ выписку изъ экземпляра, доставленнаго ему изъ библіотеки въ Gotha (Sermones discipuli de tempore et de sanctis unà cum promptuario exemplorum. Argentine 1492. fol. Exempla de F. Scite y). Печатаю её здѣсь, не желая разбивать набора.

Ad confirmationem fidei catholice mons motus est de loco suo. *Exemplum VI.* Vincentius in speculo hystoriali scribit, quod anno domini M. CC. XXV. Calipha rex Tartarorum conatus extirpare christianos de regno suo quia christiani mixtim habitabant inter paganos. Et unus de consiliariis suis consuluit regi ut eos vinceret ex evangelio. Nam Christus deus christianorum locutus est: Si quis christianus non hesitaverit et dixerit monti huic: tolle te et mitte te in mare, fiet ei. Qui cum vocavit omnes christianos, quaesivit, si verba Christi et evangelium verum sit. Respondentibus omnibus sic, statim conminatus est eis, quod nisi infra decem dies hoc factum ostenderent, omnes perirent. Tunc episcopus et sacerdotes convocaverunt christianos, et indicto ieiunio per triduum et orationibus intendentes rogaverunt dominum Iesum Christum, ut suis fidelibus succurreret. Et revelatum est cuidam episcopo devoto viro, quod sutor monoculus dignus esset illa verba proferre et populum Christi de periculo eruere. Qui ex humilitate renuit et se peccatorem esse asseruit, tamen ex obedientia praecepto se submisit. Et christiani ex una parte steterunt et crucem Christi secum habuerunt, et rex Caliphus ex alia parte cum populo suo, qui fuerunt parati ad occidendum christianos. Oravit autem sutor flexis genibus, ne Christus tot christianos necari permitteret, et praecepit monti, ut se tolleret. Quod et statim factum est. Quo viso rex baptizatus est et plures cum eo, et sic fides roborata et augmentata est.

IV.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АПОЛОГАХЪ КИРИЛЛА.

Такъ называемое Speculum sapientiae beati Cirilli episcopi alias quadripartitus apologieticus vocatus — имѣетъ свою литературную исторію, полную непорѣшенныхъ вопросовъ, недоказанныхъ утвержденій и странныхъ недоразумѣній. Памятникъ

нѣсколько разъ былъ изданъ въ XV вѣкѣ и въ томъ-же столѣтіи переведенъ на нѣмецкій и чешскій языки, что указываетъ на значительное его распространеніе, а между тѣмъ въ 1630 году іезуитъ Кордерій напечаталъ его по рукописи бывшей библіотеки Матѳея Корвина, какъ дотолѣ неизданный. Нѣчто подобное случилось съ Édelestand Du Méril'емъ: въ своихъ Poésies latines inédites du Moyen-âge (Paris 1854) p. 149 слѣд. онъ приводитъ по вѣнской рукописи, указанной ему Фердинандомъ Вольфомъ, два отрывка изъ средневѣковаго латинскаго собранія апологовъ, которое считалъ неизданнымъ, тогда какъ оно ни что иное какъ Speculum Кирилла. Всего интереснѣе то, что нѣсколькими страницами выше (стр. 146 прим. 3) Du Méril говоритъ именно объ этомъ памятникѣ, оспаривая мнѣніе Мирея, будто авторомъ Апологовъ былъ — Геннадій Марсельскій!

Это, впрочемъ, одно изъ многихъ предположеній, вызванныхъ вопросомъ: кто былъ авторъ апологовъ, «блаженный Кириллъ епископъ». Его отождествляли то съ Кирилломъ Александрійскимъ, то съ Кирилломъ Іерусалимскимъ, наконецъ съ соименнымъ первоучителемъ Славянъ. Послѣднее мнѣніе, выраженное впервые Коначемъ (Finitor) — либо его источникомъ? — по поводу изданнаго имъ въ 1516 году чешскаго перевода Speculum, было поддержано впослѣдствіи Бальбиномъ (Epitome rerum Bohemicarum 1677, I, 1, p. 9; сл. его Miscell. IV, p. 4 и его Corrig. in Bohem. doct. p. 15), полагавшимъ даже, что св. Кириллъ написалъ свои апологи по гречески. Празднованіе тысячелѣтняго юбилея славянскихъ апостоловъ въ 1863 г. оживило еще разъ мертворожденную гипотезу Конача-Бальбина. Укажу на переводъ «Нравоучительныхъ басенъ св. апостола Моравіи, Кирилла», сдѣланный Симономъ Perzich'омъ, посвятившимъ это «апостольское твореніе» архиепископу Оломуцкому [1]). —

---

[1]) Moralische Fabeln des hlg. Apostel Mährens, Cyrill, nebst einer kritischen Untersuchung der Beweisgründe für deren Echtheit и т. д., 2[e] (Jubiläums-) Auflage. Leobschütz 1863.

У насъ статья Соболевскаго, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ (1864 г. вып. II, р. 172) и затѣмъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ Погодина (Москва, 1865, стр. 528—33) поддерживала тоже отождествленіе, къ которому склонялся и Коларь, въ замѣткѣ, помѣщенной въ томъ-же Архивѣ (1864 г. вып. IV). Статьи Платонова и П. Лавровскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія за 1868 годъ (май и іюль) освободили насъ отъ этого народно-патріотическаго кошмара. Первый, обратившись между прочимъ къ наблюденіямъ надъ латинскимъ стилемъ апологовъ, не нашелъ въ немъ слѣдовъ той «graeca phrasis», въ которой Бальбинъ усматривалъ отраженія греческаго оригинала и вмѣстѣ доказательство его существованіе [1]). Какъ видно, отрицательное рѣшеніе этого вопроса, предусмотрѣнное Корнеліемъ a Lapide, Лаббеемъ и др., касается на столько-же Кирилла Славянскаго, на сколько двухъ другихъ, которыхъ привлекали къ авторству апологовъ. «Притчи или Апологи Кирилла ни по духу, ни по выраженію, не принадлежатъ не только нашему Кириллу, но и всему греко-славянскому міру», говоритъ г. Платоновъ въ заключеніи своего разбора, и съ этимъ устраняющимъ выводомъ нельзя не согласиться [2]), положительный вызываетъ сомнѣніе, потому что въ сущности не доказанъ: будто-бы Speculum — «произведеніе смягчавшейся схоластической почвы (sic) Германіи, написанное въ назиданіе нѣмцамъ XV вѣка». Г. П. Лавровскій предпочелъ возвратиться къ старому мнѣнію Добровскаго (Slavin, Prag 1834, p. 162; сл. Hanka, Rozbor staročeské lit. t. II, p. 18—27 и его статью въ Abhandl. d. k.

---

[1]) Грецизмы въ словарѣ не доказательны. Сл. l. III, c. 10: *brabitae*, civilitatis cultores (?), = греч. βραβεύς, βραβευτής, среднелат. brabeta, сл. Ducange, Gloss. med. et inf. latin. a. v. brabeta; l. II, c. 28: (gallus) erecto *pollimito* collo, т. е. пестрый; сл. греч. πολύμιτος и τὰ πολύμιτα = lat. polymita.

[2]) Этотъ выводъ принятъ и г. Вороновымъ, Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, въ Труд. Кіевск. Духовн. Академ. 1877, авг., стр. 461, 462.

böhm. Ges. d. Wiss. 5° Folge, b. III, Prag. 1845, p. 686 слѣд.: по чешски), основанному на показаніи одной рукописи: что авторомъ ея былъ Cyrillus de Guidenon, т. е. изъ Guidone, городка въ провинціи Капитанатѣ, — poeta laureatus, жившій въ XIII в. Рукопись эту, принадлежащую библіотекѣ Пражскаго университета (VI, 3 прежней нумераціи) Добровскій видѣлъ еще въ 1779 году, прежде чѣмъ по ней прошлась рука извѣстнаго подобными вандальскими продѣлками скриптора Циммермана. Въ слѣдующихъ помѣткахъ слова, поставленныя въ скобкахъ, были имъ вырѣзаны: *Incipit* libe[r primus Quadripar]titi editus a Cirillo epo. Alias gwidenon laureato poeta. Semper disce et i ext'mis Sapiencie magis stude. — *Explicit* liber quadripartiti editus a Cirillo epo alias [gwidenon laureate po]eta ffinit' anno dñi M° CCCC° LX° II° ff. IIII añ Greg'oij. — Такой-же вырѣзки подверглась запись другой рукописи Апологовъ (VI, 2 прежней нумераціи), также видѣнная Добровскимъ: Cyrilli [alias Sycinderini Poetae laureati] apologorum libri 4 a folio 1 usque ad fol. 55 versum.

Какъ помирить Gwidenon съ Sycinderinus, спрашиваетъ себя Graesse, недавно переиздавшій старопечатный текстъ Speculum [1]) — и сообщаетъ вмѣсто отвѣта письмо къ нему старшаго библіотекаря Пражской университетской библіотеки, Цейдлера, о нынѣшнемъ состояніи рукописей, разсмотрѣнныхъ Добровскимъ:

a) Текстъ, находящійся въ сборникѣ V D 8, подъ № 5, начинается словами: Incipit liber quadripartiti editus a cirillo epõ alias gwidenon laureato poeta. — Тоже имя Gwidenon находилось и въ Explicit, но вырѣзано святототатственной рукою. Теперь это Explicit читается такимъ образомъ: Explicit liber quadripartiti editus a Cirillo Epõ alias [. . . . . .]eta finitus anno dñi M° CCCC° LX° Ij°.

---

[1]) Die beiden ältesten lateinischen Fabelbücher des Mittelalters etc. hrgs. v. Th. Grässe, Bibl. des litter. Vereins in Stuttgart, 148 Publication. Сл. p. 288—9.

b) Текстъ пергаменной, дефектной въ началѣ ркп. XIII F. 9, кончается лаконически: Explicit Quadripartitus apologeticus Anno doi M&. — Incipit'а нѣтъ, но что въ немъ было имя Sycinderinus'а, можно заключить изъ перечня содержанія рукописи, помѣщеннаго на внутренней сторонѣ верхней переплетной доски: 1mo Cyrilli alias Sycinderini Poetae laureati Apologorum libri 4 a folio 1mo usque ad folium 55 versum; 2do Seneca de quatuor cardinalibus virtutibus a folio 55 verso usque ad folium 59; 3^tio Elucidarium theologicum и т. д. — Откуда могъ бы писецъ перечня взять имя Sycinderinus'а, если не изъ Incipit, нынѣ недостающаго? Трудно предположить, чтобы онъ прочелъ невѣрно: такъ отчетливо и красиво написаніе рукописи».

А вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятность заставляетъ предположить вмѣсто Sycinderinus какое-нибудь другое имя, болѣе близкое къ Gwidenon. Страннымъ образомъ Graesse упустилъ изъ виду работу Voigt'а, явившуюся двумя годами раньше его собственнаго изданія [1]), работу, въ которой небольшой отрывокъ Speculum изданъ впервые при помощи рукописей (стр. 139—146; сл. р. 51—57), между прочимъ, одной бреславльской и одной лейпцигской. Въ первой апологи Кирилла обозначены такъ:

Liber vocatur *Gwidrinus* sic nominatur;

во второй: libri quattuor *Gwidrini*, а на л. 183^a названъ: *venerabilis dominus Guidrinus*. Это ближе къ Gwidenon пражской рукописи, надписаніе которой осталось неизвѣстнымъ Voigt'у, равно какъ и обусловленная имъ гипотеза Добровскаго: о южноитальянскомъ происхожденіи, либо отношеніяхъ автора Апологовъ. Съ мнѣніемъ Добровскаго Фойгтъ познакомился лишь позже (Zs. f. d. Alterth. XXIII B. p. 283) и пытается комбинировать его со своимъ: «meine Ergebnisse über Cyrill werden durch die von Dobrowsky Gesch. d. böhm. Spr², s. 295 gefundene hs. notiz

---

[1]) Kleinere lateinische Denkmäler der Thiersage aus dem XII bis XIV Jhrh., hrsg. v. E. Voigt (Quellen und Forschungen, XXV). Strassb. 1878.

dahin bestätigt, bez. berichtigt, dass ein Cyrillus aus Guidone in Neapel (?) der Verfasser ist». Но какъ соединить собственное имя *Gwiderinus* съ мѣстнымъ Gwidenon и при чемъ тутъ епископъ Кириллъ?

Грессе (l. c. p. 288 слѣд.) считаетъ итальянскую гипотезу слабо обоснованной: упоминаніе Дуная (l. III, cap. 8 и 23) указываетъ, по его мнѣнію, на другую національность писателя. Что онъ не былъ грекъ, это видно изъ его заявленія (l. I, cap. 15) о числѣ гласныхъ въ алфавитѣ, которыхъ онъ насчитываетъ не семь, а пять. Прибавимъ къ этому, въ видѣ косвеннаго доказательства, что священнымъ Писаніемъ онъ пользовался по Вульгатѣ, не по переводу Семидесяти, какъ можно было-бы ожидать отъ византійца [1]). — Слѣдующія за тѣмъ соображенія Грессе замѣчательны своей наивностью, чтобъ не сказать бо̀льшаго. Авторъ могъ быть французомъ — заключаетъ онъ изъ употребленія si въ значеніи num (l. II, c. 9, p. 45, l. 10), fontana вм. fons и упоминанія Gallia, Gallia bulbus (p. 289; въ текстѣ стоитъ: bullus). Но первые два признака вовсе не говорятъ исключительно за Францію, а связь, въ которой является слово Gallia въ l. II, c. 5: inde furit ebria Gallia, прямо говоритъ противъ автора-француза, что и замѣчено было Voigt'омъ (p. 56). — «Впрочемъ, продолжаетъ Грессе, другія выраженія какъ brodium (l. IV, c. 2) и zucarum (l. IV, c. 3) указываютъ на германскія племена, — и на другую страну испорченная, очевидно, фраза l. IV, c. 5, опущенная Кордеріемъ, но удержанная нами въ текстѣ: in bays et hanicis». Среднелатинское brodium (ит. brodo, исп. порт. brodio, пров. bro и т. д.) свидѣтельствуетъ о присутствіи германскихъ элементовъ въ романскихъ языкахъ, — не о національности автора апологовъ; zucarum — слово, внесенное въ новые языки Арабами, воздѣлывавшими сахаръ въ Египтѣ, Критѣ, Сиріи, Сициліи и Испаніи. Что до указанной выше фразы, то она требуетъ объясненія. Свинья наслаждается своей лужей (текстъ Грессе): quam tam

---

[1]) Платоновъ, l. c. стр. 402, прим. 2.

fruibile balneum carni meae, aqua refrigerii, stilla roris, transcendens nempe *Libani latices*, *Damasci et Panormitani fontes et in bays et hanicis lavacra sospitatis.* — Въ старопечатномъ изданіи Апологовъ (Аугсбургъ, у Зорга; экземпляръ Импер. Публ. библіотеки) непонятное мѣсто читается такъ: transcendens nempe *Libani latices*, *Damasci et Panormitani fontes dulcedines et lavacra seu balnea sospitatis;* у Кордерія: *Damasci fontes et Panormitana balnea sospitate;* Voigt (l. c. 56): *Panormitani fontes et in bays ethanicis lauacra sospitatis*, стало быть, удерживая текстъ Грессе, но читая et hanicis = ethanicis, можетъ быть, вмѣстѣ Aethneis? По крайней мѣрѣ Voigt утверждаетъ, ссылаясь на это мѣсто, что авторъ апологовъ изъ цѣлебныхъ европейскихъ водъ (Heilquellen) знаетъ лишь сициліанскія. О цѣлебныхъ водахъ нѣтъ, кажется, рѣчи; ethanicus сомнительно; но Panormitani fontes, напоминающіе извѣстныя похвалы Фальканда и богатство водныхъ сооруженій вокругъ мусульманско-норманнскаго Палермо, являются довольно вѣскимъ моментомъ въ пользу южно-итальянскаго происхожденія автора. Такъ понимаетъ это дѣло и Voigt. Менѣе или и вовсе недоказательны выбранные имъ образцы итальянизмовъ языка Апологовъ: beuarus (l. II c. 20, 30), barda (l. II c. 22, 14), ballagius (l. II 24) [1]), brodium (l. IV, 2, 20), comitiua (l. III c. 12, 20), ничего не говорятъ за Италію; на сколько темное выраженіе l. IV c. 2: semper vivo in croceis — итальянизмъ — пусть рѣшатъ другіе; съ berta въ l. III c. 12 (сл. l. II, c. 6: bertina facie) = обезьяна сл. подобное-же значеніе итальянскаго bertuccia, bertuccio, хотя, быть можетъ, выраженіе: bene conveniunt iocus et berta слѣдуетъ истолковать нѣсколько иначе, чѣмъ то дѣлаетъ Voigt: *ein Spielmann und ein*

---

[1]) «Aurum es, sub terra late, pretiosissimus es rubinus, *in petra bellagu te absconde*». Voigt толкуетъ ballagius = нт. balascio. Этимологію послѣдняго см. у Diez, Wb. a. v. balascio (: отъ Бадакшана) и у Dozy-Engelmann'a, Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe, 2e éd. a. v. balax, balajo, balaxo: rubis balais, de l'arabe-persan balaksch.

Affe, принимая jocus въ смыслѣ jocularis, согласно съ надписаніемъ аполога (De simia et histrione) и типическимъ въ средніе вѣка соединеніемъ бродячаго скомороха съ обезьяной [1]). Но съ тѣми словами обращается гистріонъ къ обезьянѣ, предлагающей вступить къ нему въ услуженіе; ит. berta: burla, beffa; оттуда: bene conveniunt iocus et berta можетъ означать: шутка и насмѣшка вмѣстѣ уживутся!

Болѣе положительныхъ результатовъ для опредѣленія народности автора Апологовъ можно ожидать отъ разбора его труда со стороны его содержанія, разумѣя подъ этимъ: объемъ и направленіе начитанности и пріемы литературной разработки. Въ томъ и другомъ смыслѣ было сдѣлано многое, но не всё возможное для рѣшенія вопроса. Кордерій выбралъ изъ Апологовъ указанія на знакомство автора съ Библіей и новозавѣтной литературой [2]); Voigt и Грессе на его начитанность въ области римскихъ классиковъ [3]), на цитаты и извлеченія изъ Гиппократа, Галена и особенно Аристотеля, съ сочиненіями котораго по логикѣ, этикѣ и естественной исторіи авторъ былъ несомнѣнно знакомъ по латинскимъ переводамъ — что стало возможнымъ лишь съ половины XIII вѣка. Съ этой поры образовались въ Италіи, прежде всего въ Болоньѣ и Падуѣ, и тѣ «universitates philosophorum et medicorum», къ которымъ, вѣроятно, принадлежалъ авторъ апологовъ, почерпнувшій свою ученость не столько

---

[1]) Сл. Разысканія VII р. 169—70. Сл. еще чудо, разсказанное Григоріемъ Великимъ Dial. I, 9: о Бонифаціи и скоморохѣ.

[2]) Сл. выборъ изъ Кордерія у Грессе l. c. p. 294—6. Интересно замѣтить значительное преобладаніе ссылокъ на книги Ветхаго Завѣта.

[3]) Voigt, l. c. 54—5; Graesse, p. 290. Первый указываетъ на Саллюстія, Валерія Максима, Виргилія и Горація; второй на Сенеку, Горація и Публія Сира. Что до двустишія въ l. III, c. 27, заимствованнаго изъ Praxis iocandi Nigellus Wireker'a, то оно не находится въ editio princeps, и, вѣроятно, вставлено въ текстъ Кордеріемъ (сл. Graesse, l. c. p. 103 и 290). Этимъ устраняется заключеніе Voigt'a (55), что двустишіе Вирекера не позволяетъ отнести написаніе Апологовъ раньше XIII вѣка!

изъ чтенія, сколько изъ живаго преподаванія. Такъ заключаетъ Voigt изъ словъ Пролога: exempla moralia, non de *nostra paupertate* stillantia, sed *de vena magistrorum:* заключеніе произвольное, если разумѣть подъ magistri — Аристотеля, Галена и друг., которыхъ естественно было противоположить своей собственной умственной скудости. Конечный выводъ Фойгта, принятый и нѣкоторыми изъ его критиковъ [1]), сводится къ тому, что Апологи принадлежатъ какому-нибудь клерику XIV-го вѣка (Гвидрину), воспитавшемуся въ Италіи (р. 57), гдѣ струя животной саги была слабѣе, чѣмъ напр. на сѣверѣ, — что отразилось напр. и на ея бѣдности въ Апологахъ: изъ общаго числа 95-ти Voigt могъ выбрать всего пять (l. I, c. 5, 13, 24; II, 15; III, 11), имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ циклу «Ренара» (сл. р. 54 и 139 слѣд.). Но и въ этихъ разсказахъ автора очевидно интересовала не сказочная канва, а тотъ элементъ умозрѣнія и нравоученія, который такъ или иначе въ неё вкладывался. Въ Romant du Renart разсказывается о Лисѣ-паломницѣ, идущей въ Римъ

---

[1]) Сл. Seiler, въ Anz. für deutsch. Alterthum u. deutsche Literatur V, 2, April 1879, p. 120; Peiper, въ Jen. Literaturzeitung 1878, № 36, p. 525—6. Замѣтка послѣдняго поднимаетъ, случайно, новый вопросъ, на который я укажу словами критика, хотя считаю его догадку совершенно не сбыточной. «Der Italiener verräth sich,.... hauptsächlich durch die Sprache, говорится объ авторѣ апологовъ. Mich erinnert die Sprache ausserdem an ein anderes Land: an Polen; es ist nicht ganz das Latein, das wir in Italien in jenen Jahrhunderten finden; es ist viel zu schwerfällig dazu, zu geschraubt. Sollte der Mann identisch sein mit einem «Viduinus Canonicus Vratislaviensis, Capellanus Cracoviensis», welchen eine Rhedigersche HS. (S. IV 2 a 26, chart. s. XV scr. per manus Niskoviach Zamyde) als Verfasser des allerwärts bekannten, aber meist anonym verbreiteten Antigameratus (Inc. Has morum flores) ausgiebt? (Bebelius citiert das Werk unter den opuscula, die man lesen müsse: Facetus, Floretus, Antigameratus, Physiologus, Contemptus mundi; und in dieser Gesellschaft findet es sich denn auch ungemein häufig). Etwas Wahres muss an der Angabe sein, obwohl die Münchner Hss. lat. 7678 u. 7740, s. XV, dafür «Johannis Cracoviensis Canonici» bieten».

каяться въ своихъ грѣхахъ; къ ней присосѣживаются баранъ и оселъ; въ Isengrimus спутниковъ больше: олень, баранъ, пѣтухъ, козелъ, гусь и оселъ; тамъ и здѣсь они попадаютъ въ передѣлку къ волкамъ, отъ которыхъ отдѣлываются. Сл. соотвѣтствующій разсказъ Апологовъ, l. I, c. 24 (Cum electo socio proficiscaris aut converseris): «Ad declinationis etatem vulpes deducta patrati reatus conscia ut satisfaceret peregrinari cum vellet, mox peregrinationis eius rumor insonuit». *Собака*, *онагръ*, *медвѣдь*, *левъ*, *павлинъ*, *волкъ*, *свинья*, *оселъ* поочередно предлагаютъ себя ей въ спутники, но она всѣхъ отсылаетъ по разнымъ причинамъ: собаку, потому что она «provocator inimicitie», свинью — за ея неопрятность, и т. д. Она беретъ съ собой другихъ звѣрей: *pantheram* videlicet, cujus os redolet, *simeam* que in plenilunio gaudet, *agnum* mitem, pusillanimem *leporem*, *erinacium* cutis spinose, *bouem* de labore viventem, *crusininum*[1]) sordes vitantem, *formicamque* prudentem. — Что это за сонмъ? спрашиваетъ лису воронъ; та отвѣчаетъ: electa quidem est comitiva prudentis, namque cum electo electus eris, et qui cum sapientibus graditur, sapiens erit. — Et ille: Recte iudicasti, sed doce: Cum quibus conversatur, ut prosperetur? Mox illa: Cum amatore quippe sapientie, zelatore iustitie et amicitie fideli cultore. Quibus diffinitis ultra processit.

Приведенный апологъ можетъ дать понятіе о стилѣ остальныхъ. Не вездѣ являются и тѣ блѣдныя очертанія животной сказки или басни или воспоминанія Физіолога, какія намъ встрѣ-

[1]) Варьянты этого слова см. у Voigt'a, l. c. p. 143 прим.; Graesse, p. 32: crusimimum. Лиса, отвергнувъ *восемь* звѣрей, избираетъ вмѣсто нихъ другихъ *восемь*, противоположныхъ имъ по качествамъ. Такимъ образомъ *свиньѣ* противопоставляется *crusininus* = *котъ* по переводу Perzich'a, что можно оправдать указаніямъ на l. IV, c. 1: *De murilego et porco.* Иначе поняли это слово старо-нѣмецкіе переводы (у Voigt'a, l. c. прим.: охотничья собака). Crusininus, во всякомъ случаѣ, стоитъ въ связи съ среднелат. crusina, cursina, предполагаемо-славянскаго происхожденія.

тились выше, а дѣло ограничивается бесѣдой двухъ или нѣсколькихъ животныхъ между собою, либо споромъ драгоцѣнныхъ камней или растеній (l. I, сс. 26, 27; сл. II, 14: тростникъ и сахарный тростникъ; II, 23: тернъ и фиговое дерево; III, 14: пальма и тыква; IV, 9: роза, лилія и фиговое дерево) [1]), Солнца съ Меркуріемъ (I, 17), Сатурна и тверди (II, 24), Земли съ воздухомъ (II, 11 и III, 19), туманомъ (II, 12) либо двигающимъ началомъ (III, 21); дня и ночи (III, 22), солнца и тьмы (III, 24), души съ тѣломъ (II, 2) и волей (II, 8), похоти съ разумомъ (II, 10: De affectu et intellectu), уха съ глазомъ (I, 25), богача со счастьемъ (III, 4). — Собственно говоря, нѣтъ и пренія, а заявленіе, похвальба одной стороны, нерѣдко опредѣленная характеристикой Физіолога, вызываютъ правоучительно-богословскую отповѣдь другой, полную указаній на Соломона и Аристотеля, при чемъ безразлично, кто держитъ отповѣдь: лиса или солнце - Титанъ. Это нарушеніе вѣроятія не умаляло интереса къ учительному содержанію апологовъ, которое и объясняетъ причины и — границы ихъ сравнительно поздней популярности: извѣстный въ католическомъ мірѣ толкователь св. Писанія, картезіанскій монахъ Діонисій, приводитъ въ разъясненіе притчей Соломона — апологи Кирилла, а Корнелій а Lapide въ своихъ Commentaria in Ecclesiasticum (Antverpiae 1723) нерѣдко «citat Cyrillum ad verbum». [2]). Не изъ этихъ-ли толкованій, бывшихъ въ большомъ употребленіи въ нашихъ семинаріяхъ, или изъ другаго источника заимствованъ былъ текстъ единственнаго кирилловскаго аполога, извѣстнаго мнѣ въ русскомъ переводѣ? Онъ сохранился на переплетномъ листѣ рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Келейный лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго. Послѣдній писанъ

---

[1]) Сл. къ мотиву пренія между растеніями, деревьями Fab. Aesop. ed. Halm 125 и 385; Kurz къ Burkh. Waldis l. II, № III; l. III, № LXXVIII.

[2]) Платоновъ, l. c., стр. 382.

въ 1758 году, текстъ аполога принадлежитъ современной рукѣ. Приводимъ его параллельно съ латинскимъ подлинникомъ [1]).

Апологъ отъ нравоученія Кирилла Алексадрискаго, книга 4. Г. 1.

Сѣдящу коту в нѣкоемъ преизрядномъ вертоградѣ облизающуся, да отъ прилипшаго к нему праха очистится, противу ему тогожде времени в близъ бывшемъ тамо блатѣ свинія валяющаяся глаголаше к себѣ: «О коль преизящное мнѣ сіе ложе и мягкая постеля! О коль прелюбезнѣйшее мнѣ здѣ пребываніе, коль веліе плоти моей угожденіе, коль пресладкое в тинѣ сей увеселеніе! Честнѣе есть горъ Ливанскихъ и источниковъ Дамасковыхъ (ркп. Дамосковыхъ) и Панормитскихъ (ркп. Парномитскихъ) банѣй здравѣе». Котъ-же, сіе слышавъ, вознегодова и рече ко свиніи: «Что се есть, идѣже лежиши?» Отвѣща ему свинія: «Блато и калъ». Тогда котъ ругаяся к ней рече: «Воистину свинія еси, понеже смрадными и скверными утѣ-

l. IV, c. 1: De murilego et. porco.

Stabat murilegus in splendido prato, lingendo lingua pellem suam ut polleret etiam adhaerentem pulverem expiare, sed contra porcus non longe in coeno foetido, hinc inde perfusus, cutem spinis turpissimam jactatione hujusmodi amplius sordidabat. O, inquit, quam amoenissimus mihi lectus et status hic est dulcissimus, quam mihi delectabilissimus census, quam tam fruibile balneum carni meae, aqua refrigerii, stilla roris, transcendens nempe Libani latices, Damasci et Panormitani fontes et in bays Ethanicis lavacra sospitatis. Atque murilegus dum hoc dicentem in sorde volutatum audiret, indignatus ad verbum et abominatus accubitum mente, voce quoque clariori haec dixit: de falsitate talis extollentiae multo magis quam de immundi-

---

[1]) Сл. Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV (1862 г.), Смѣсь, стр. 28: «Апологъ отъ нравоученія Кирилла Алексадрискаго, книга 4. Г. I» (Сообщенъ А. Е. Викторовымъ). — Латинскій текстъ по изд. Грессе. Объ ethanicis вм. et hanicis сл. выше, стр. 39.

шаешися и веселишися вещами». Свинія-же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты [с]удити мыши твоя. Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «Во правду, якоже вижду, добрѣ Соломонъ глаголетъ: Не обличай безумна, да не ненавидитъ тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устроеніемъ естества того ради поставленъ есмь, да не излишно дѣютъ человѣкомъ пакости. И тебѣ скверной, аще разумѣеши, отъ того-же естества учиненъ есмь (ркп. есть) исправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха, тебе такожде учу очищатися отъ всякой нечистоты, аще внемлеши словесемъ моимъ. Суждуже творящыя людемъ пакости мыши, егда ногтми моими уловляю я и козню, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу коль благопріятна и любезна чистота есть въ душахъ и естествахъ? Онъ бо (ю) себѣ во пребываніе вѣчное созда небо (ркп. ибо) пречистѣйшее и миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречистаго естества производитъ и плоть младенца, зачентагося въ

tuei foeditate dolerem, nisi, ut tibi referrem aliquid per eloquium, parum me direxisses. Quid enim hoc est ubi jaces? At ille respondit: lutum coenumque. Tunc murilegus increpando adjunxit: bene es porcus, quia delectaris in foetidis, impinguaris in sordibus et laetaris in rebus pessimis. Cui porcus impatiens dixit: Vade, judica mures tuos; quid mihi et tibi? At ille: Bene Salomonicum est: Non arguere derisorem, ne oderit te. Attamen pestilenti muri judex auctoritate naturae constitutus sum suus, et tibi immundo, si percipis, natura in moribus corrector sum tuus; te namque lingendo lingua vitare sordes edoceo, si attendis, et illum scilicet murem judico, cum in maleficiis eum judicialis ungula comprehendit. Vide, quaeso, quam cara est Deo grataque munditia tam animae quam naturae. Ille enim coelum sibi in aeternum paravit mundissimum et replevit luce clarissima mundum, animam de candidato semine generat et puro membra sanguine cibat, mira quidem rutilantia flores germinat ac splendenti pluma, squama

утробѣ матернѣй, чисту возращаетъ, пречудными цвѣты землю украшаетъ и дражайшія бисеры отъ глубины моря, злато же и сребро отъ нѣдръ земныхъ производитъ. Почто убо ты, свинія, в нечистотахъ услаждаешися? Не вѣси ли яко и въ иномъ естествѣ, еже отъ Бога разумомъ почтено, погибаетъ, аще плоть нечистотами оскверняется? Совѣтую убо тебѣ, аще хощеши чисто жити: бѣгай кала и смрада и, шедъ въ чистую воду, абіе умыйся». То рекъ котъ ко свиніи и умолча; а свинія пребыть въ калѣ тинномъ, не слушая полезнаго его совѣта.»

et pellicula carnes ornat. Sic natura pretiosas gemmas gignit purissimas et metalla quidem puritate splendentia parit, et condit suo diverso modo digesta. Ut quid ergo in immunditiis delectaris? Nescivisti, quod, expulsiva dissoluta virtute, retentis foeditatibus caro perit? Et ideo si vitam tantum diligis, sordes fuge et ad purgutivum mox lavacrum adscende. Quo dicto requievit».

II.

Слѣдующія бѣглыя замѣтки, накопившіяся постепенно, имѣютъ въ виду не исчерпать всё содержаніе Апологовъ, а лишь обратить вниманіе на нѣкоторые изъ нихъ, интересные по сюжету либо по культурному матеріалу.

1. I, c. 1. Vulpes decrepita ardens cupiditate plus sciendi quaerendo magistrum, membris gravioribus sui corporis itineris addidit grave pondus. Mox ergo tendenti senectutis infirmitate quidem gravi, sed aviditate sciendi peragili, cum corvus astutior occurrisset, peracto mutuae salutationis officio satis laeta subjunxit: Vere voluntas dei erat, ut mihi occurreret quem volebam. Te namque qui coeli per cardines ambulas et multa consideras, ut me disciplinae sitibundam instrueres, perquirebam. Cui ille

respondit: *sanctae calliditatis antiqua*(ta) *magistra*, quid amplius quaeris scire? Hoc certe tantum tibi restat peccatum finem habere. Ad haec discipula facta doctrix ita dicitur respondisse: Numquid, frater mi, scriptum est a Salomone: audiens sapiens sapientiam sapientior erit, nisi quod sapientiae non est numerus. Unde semper oportet addiscere et in extremis horis fundum sapientiae desiderabilius indagare и т. д. Первый апологъ сборника тотчасъ-же знакомитъ насъ съ двумя главными, равносильными другъ другу дѣятелями животной саги, знакомой автору: *лисой и ворономъ.* Оба они мудры; какъ въ приведенномъ апологѣ лиса названа sanctae calliditatis magistra, такъ въ l. II, c. 27 таже характеристика дается ворону: Reminiscens corvus priorum facinorum, subtilium fraudum et *magnarum* calliditatum hinc fastu tumidus et adulationis avidus coepit quaerere auram laudum; лиса обличаетъ его въ самомнѣніи, какъ въ другой разъ (l. III, c. 1) отвращаетъ отъ любостяжанія указаніемъ на его опасности. Апологи не разъ сводятъ ихъ вмѣстѣ (l. I, c. 13), заставляя ихъ помѣриться въ хитрости (l. I, c. 5). Когда на совѣтѣ звѣрей поставленъ былъ вопросъ quis eorum astutius famaretur.... hinc volatilia corvum, hinc vulpem terrestria, singula quaeque suum prudentia mox exaltare coeperunt.... hinc quidem corvi multiformis dolositatis et versutiae ostensis astutiis, hinc vulpis deceptivae artis igeniis ventilatis quasi juris dignitate singulorum facinora praetulerunt (l. I, c. 3). — Въ европейскомъ развитіи животнаго эпоса преимущество хитрости и мудрости предоставлено одному Ренару; матерьялъ животной саги, бывшей въ распоряженіи автора апологовъ, указываетъ на болѣе древнюю точку зрѣнія: по индійскому народному повѣрью какъ *ворона* мудрѣйшая изъ птицъ, такъ *лиса* мудрѣйшая изъ четвероногихъ[1]); а Аристотель говоритъ о дружбѣ *ворона* съ *лисою*: Κόραξ δὲ καὶ ἀλώπηξ ἀλλήλοις φίλοι (De Animal. l. IX, c. I). Сл. l. I, c. 13: amicus corvus.

---

[1]) Сл. De Gubernatis, Zoological Mythology II, p. 252—3.

l. I, c. 4: Въ жаркій день стрекоза дивится, что муравей работаетъ, а не покоится, подобно ей, въ тѣни; муравей её наставляетъ. — Очертанія тѣже, что въ Esop. ed. Halm, 401; сл. Kurz къ Burkhard Waldis I, LXXXIV; Landsberger, Die Fabeln des Sophos, № 35.

l. I, c. 5. Лисица прикидывается мертвой, чтобы привлечь къ себѣ голоднаго ворона; но тотъ догадывается, въ чемъ дѣло, и, бросивъ ей камешекъ на ухо съ словами: scito non minus vidisse corvinum oculum quam vulpinum, принимается уличать её. Что дѣлать? говоритъ она: quandoque dormitat bonus Homerus, id est philosophus; умъ не всегда помогаетъ, какъ и ей въ данномъ случаѣ; sic serpens callidus negligentia periit et mus vigilantia ungulam murilegi astutioris effugit (указаніе на какіе-то апологи).—Рамка дана извѣстнымъ разсказамъ Физіолога о такой-же хитрой продѣлкѣ лисы. Сл. Колмачевскій, Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ, стр. 36 слѣд. Въ одномъ апологѣ Solwan el Mota', ossiano Conforti politici di Ibn Zafer, versione italiana di Michele Amari, c. IV, § 6 медвѣдь точно также прикидывается мертвымъ, чтобы поймать обезьяну.

l. I, c. 8: рыбакъ принимаетъ хребетъ морской рыбы за островъ, на которомъ разводитъ огонь; рыба трогается съ мѣста, а рыбакъ, спасшійся въ лодку, вступаетъ съ чудовищемъ въ назидательную бесѣду. — Преданія о рыбѣ-островѣ см. у Zacher'a, Pseudocallisthenes, p. 147—9; Freudenthal, Die im Talmud vorkommenden Märchen, Orient und Occident III, 2, p. 353—4; сл. Teofilo Folengo, Histoire maccaronique, ed. Lacroix, p. 337 и прим., и Paulus Cassel, Drachenkämfe, p. 36, 100—1. Въ греч. Физіологѣ у Pitra, Spicileg. Solesm. III, p. 352 (περὶ ἀσπιδοχελώνης) китъ похожъ на островъ; корабельщики пристаютъ къ нему и вбивъ копья, привязываютъ къ нимъ корабли; чудовище не трогается; но стоитъ развести на его хребтѣ огонь, чтобъ оно ушло въ глубину, увлекая съ собой неосторожныхъ. Сл. еще Physiol. Syms. c. 30.

l. I, c. 9. *In plenilunіis symeae cordis laetitia exsultanti* vulpes

mox adstitit et haec dixit: indica mihi, soror, ut tecum gaudeam, hujus jucunditatis quae sit ratio et exsultationis quae causa. At illa laeta laetanter, ut secum laetaretur respondit: (nimirum) *lunari, quam amo, plena luce nunc fruor.* Сл. l. I, c. 24: *simeam quae in plenilunio gaudet.* Сл. l. II, c. 29. — Лиса вступаетъ съ ней въ преніе, убѣждая: illam dumtaxat lucem diligas ac ea fruaris, quae durabilis, invariabilis atque summa; сл. въ ея рѣчи ссылку на какой-то апологъ: Sed quid lugenti camelionti de colore aureo mutato in luteum *sagax corvus* responderit, non audisti? Claude aurum, pone desuper lutum et de caetero tepescit aurum. Этотъ-ли или другой апологъ разумѣется въ l. I, c. 26: Non audisti, quod sagax *vulpes* semel responderit camelionti de adoptione coloris aurei glorianti: 'quippe ubi non est stabilitas, umbralis est entitas et gloriositas non est vera? — и въ l. II, c. 21: Si audisti *formicae* consilium datum chamelionti glorianti de colore aureo et laetanti, hoc ipsum tibi dictum est: claude oculum et eris in vera gloria stabilitus. — Хамелеонъ и воронъ, какъ дѣйствующія лица какого-то аполога, упоминаются еще l. III, c. 2: Quam bene certe *chameleon* suae carnis cupiditate *coraci* (текстъ Graesse: thoraci; другія изданія: corvo) ipsum hostiliter infestanti respondit: o, si vitiositatis interjecta caligine nutum prudentiae tibi cupiditas non cessasset, profecto attenderes, quod te, si me possides, perdes.

l. I, c. 11: свинья удивляется, что волъ вмѣсто того, чтобъ отдыхать, жуетъ жвачку. Волъ говоритъ въ защиту жвачки; tu quidem ergo, carissime, quia non ruminas, impurius suscipis alimentum, *et ob hoc divina lege judicaris immundus.* Въ слѣд. № 12 волъ, надъ раздвоеннымъ копытомъ котораго глумится конь, говоритъ ему: tu autem, carissime, quia *indivisa ungula* velociter agitaris, saepe lapsu confunderis, *quo nimirum immundum etiam animal judicaris.* — Точно также въ l. III, c. 16 (De bove et lupo; сл. l. I, c. 14) волъ говоритъ волку: Attende, quod animalia viventia de rapina hinc divina lex, hujusmodi *immunda* dicens, *in holocaustum hujusmodi prohibens eorumque*

esum hominibus interdicens ut maligna damnavit. — Интересъ автора къ вопросу о нечистыхъ животныхъ во всякомъ случаѣ характеренъ. По закону Моисееву чистыми животными между четвероногими считаются лишь тѣ, у которыхъ раздвоено копыто и которыя жуютъ жвачку.

l. I, c. 13. Воронъ, желая доставить пищу пріятельницѣ лисѣ, говоритъ курицамъ, что имъ нечего болѣе ея бояться, такъ какъ она постриглась въ монахини; пусть посмотрятъ, какъ она поетъ вечерню. Довѣрчивыя курицы направляются къ ней, но во время остановлены предостереженіемъ пѣтуха. Съ vulpes (въ Апологахъ всегда женскаго рода) monialis сл. Ренара-монаха средневѣковыхъ барельефовъ, проповѣдующаго гусямъ и обыкновенно пожирающаго ихъ. Сл. Мейсснера у Колмачевскаго, l. c., стр. 301 слѣд.

l. I, c. 18. Левъ и лиса встрѣчаются съ мышью, первый кланяется ей, вторая едва удостоиваетъ ее вниманія. Позднѣе оба попадаются въ тенета, и мышь освобождаетъ изъ нихъ льва, а лису оставляетъ. Сл. Fab. Esop. ed. Halm, № 256, гдѣ указанія и на друг. тексты; Esopus von Burkhard Waldis, ed. Kurz, прим. къ Buch I, XIV Fabel.

l. I, c. 19. Разговоръ ежа и ехидны (De erinacio et viperula) о дружбѣ. «*Spina.... erinacia—verus et sensatus amicus*»; сл. l. II, c. 21: mirae prudentiae (Isid. Etym. l. XII, c. III: hujus prudentia quaedam est, изъ Ambros. Hexaem. VII); l. I, c. 24: лиса выбираетъ его въ число спутниковъ своего паломничества, вмѣстѣ съ котомъ, обезьяной, пантерой, cujus os redolet и др. Послѣдняя несомнѣнно указываетъ на Физіологъ. См. Voigt, Ecbasis captivi, p. 58—9 прим.; Koloff, Die sagenhafte u. symbolische Thiergeschichte des Mittelalters, въ Raumers Hist. Taschenbuch, IV Folge, 8er Jahrg. (1867), стр. 220 слѣд.; Dialogus Creaturarum, dial. 114 (съ ссылкой на Физіологъ) и т. д. Сл. греч. Физіологъ у Pitra, l. c., III, p. 351—2, и Aelianus, De Nat. animal. l. V, c. XL. Что до аллегорическаго толкованія ericius = erinaceus, то въ Физіологѣ оно двойственное: онъ тамъ символъ

дьявола, грѣшника, еретика, двоедушнаго и лукаваго, но также кающагося и прозорливаго (futuri providens). Сл. Voigt, l. c. 61 и прим.; Koloff, l. c. 234; Pitra, l. c. 350—1 (греч. Физіологъ) и 73—4 (S. Melitonis Clavis и комментаріи). Замѣтимъ ежа и кота — спутниковъ лисы въ старой слав. сербск. притчѣ у Даничича, Tri stare priče, въ Starine IV, стр. 68 слѣд.

l. I, c. 21 (De grano frumenti et lapide). «Pretiositatem.... *dracontidis* perdit draco, cum eo si moritur. (Сл. Isid. Etym. l. XVI, c. XIV и Физіологъ Aldhelm'a у Pitra l. c. p. 427: De cerebro draconis.... *draguntia* lapis exciditur, sed nequaquam praecisum dicunt, nisi viventi extrahatur. Inopinantes enim uno ictu ad aestum cubantes transvesberantur in capite, et sic adhuc in pleno vigore palpitantibus lapis extrahitur). Въ l. II, c. 19 (De burdone et mulo. Сл. Petri Alphonsi Disc. clericalis V, 4 и прим. Валентина Шмидта): «de dracone *dracontides* pretiosissima gemma oritur, de gallo serpentum nequissimus regulus generatur..., aurum de sulphure gignitur»; сл. III, 7: In suo vertice splendente *dracontide*, tantae gemmae draco pretiositate dotatus, cum superbus incederet, inventa quidem hyena dixit: satis certe ambo beneficae regratiari tenemur naturae.... *tibi namque oculum mirabiliter ingeminavit* caputque meum solis regibus libito insignivit dracontide. Гіена умѣряетъ его веселье указаніемъ на превратности судьбы: Nonne Nabuchodonosor, *clypeis tractus aureis Salomonis*, hostiliter hostis, quam petivit amicam, copiosam argento Iherosolimam spoliavit? — *Scuta.... aurea Salomonis* встрѣчаются въ другомъ мѣстѣ рядомъ съ Croesi et Asveri opum magnalia въ l. III, c. 1 (сл. l. III, c. 4: si totum invenires aurum male conditum Salomonis), чудесныя глаза гіэны въ l. III, c. 2 (hyenae oculos ingeminasti) и 5, гдѣ старая лиса наставляетъ молодую обезьяну, что богатство приноситъ несчастье: онѣ идутъ вмѣстѣ и находятъ слона безъ клыковъ, гіену «luminibus privatam suis», пѣтуха съ раздробленнымъ черепомъ, ласточку съ распоротымъ желудкомъ, бобра, лишеннаго дѣтородныхъ частей, безхвостаго павлина и окарнаннаго ястреба (vultur).

Всюду — слѣды человѣческаго любостяжанія, доискивавшагося драгоцѣнныхъ камней въ головѣ пѣтуха и желудкѣ ласточки и — глазъ гіены. Сл. Isid. Etym. l. XVI, c. XV: *hyaenia* lapis in oculis hyaenae bestiae invenitur, qui sub lingua hominis subditus fuerit, futura eum praecinere dicunt. — О драконитѣ еще въ апологѣ II, 25: Sua gemma draconem necat.

l. I, c. 24: De vulpe peregrinante (сл. выше, стр. 42).

l. I, c. 26: Споръ драгоцѣнныхъ камней: Gelosia, asbeston, sinoclites, разрѣшаемый карбункуломъ. Gelosia хвалится тѣмъ, что «ab igne minime calefio» (Chalazias y Isid. Etym. l. XVI, c. X, XIII); asbeston, что vix aut nunquam extinguor; sinoclites,... quoniam varietate mirabili cum luna continue cresco et decresco (= selenites, сл. Isid. Etym. l. XVI, c. IV). Къ лапидарію сл. еще l. II, c. 23: exacontolicus lapis (hexecontalithus Isid. Etym. l. XVI, c. XII), saphirus, onycha, bius lapis; c. 28: chrysopazion splendens in tenebris (сл. Isid. Etym. l. XVI, c. XIV: chrysoprasus); l. III, c. 17 (взглядъ совы отнимаетъ врачебную силу сафира: contuitus tuus frangit saphirum, qui attactus fugat venenum) и IV, c. 8 (saphirus, stella, orbis et animus non generant).

l. II, c. 6. Обезьяна, подражая моряку, взбирается на мачту, не смотря на предупрежденіе мудраго ворона (corvus . . . . consiliarius), и оборвавшись ушибается головой; затѣмъ, увидѣвъ царя на престолѣ, сама въ его отсутствіи садится на его мѣсто. Sed hoc nimirum viso vulpecula venit ad solium et salutato sophistico rege ministra provida ironice flagitavit mandatum. Cui simia dixit: hoc tamen praecipio, laeta gloriam cerne! At illa: egoque consulo sane, hinc quam cito descende. Дѣйствительно: обезьяну прогнали и натравили на неё собакъ. Лиса спрашиваетъ её, жалующуюся: почему изо всѣхъ животныхъ она одна желаетъ выдѣлиться и сравняться съ человѣкомъ. Обезьяна указываетъ на прирожденное влеченіе и на свое сходство съ человѣческимъ образомъ. Сходство есть, отвѣчаетъ лиса, но quia haec similitudo in te pervertitur, hinc tua forma fore deformior invenitur. Quid enim bertina facie turpius,́ planta digitata deformius,

nudisque natibus foedius...? Въ заключеніи лиса совѣтуетъ обезьянѣ подчиниться волѣ человѣка: онъ накормитъ тебя сластями и *прикроетъ пестрой одеждой* (jocunda veste) *твою срамную наготу.* — Въ l. II, c. 20 лиса хвастаетъ передъ тощей обезьяной своимъ роскошнымъ мѣхомъ и хвостомъ; тебѣ-же не иначе придется быть одѣтой, какъ когда тебя поймаютъ (ut capta sis); въ l. III, c. 5 голая обезьяна завидуетъ лисьему мѣху [1]), а l. III, c. 9 она уже является въ пестрой одеждѣ, но на цѣпи, и на вопросъ лисы о причинѣ ея веселья, «adhuc animi modicitate feminei memorans derisae nuditatis iujuriam retroactam simul cum reminiscentia nata ira, vade, inquit, tu *olim derisisti nuditatem meam* vel paupertatem, intuere nunc gloriam, quoniam usque ad me divitiarum exundantiam humanarum non minus feliciter quam liberaliter dulcis fluit fontana. Лиса смѣется надъ этимъ счастьемъ, которое куплено потерею свободы. Апологъ 12 той-же III-й книги объясняетъ, какъ это сталось: обезьяна обращается къ скомороху съ просьбой дать ей одежду, чтобъ прикрыть наготу; тотъ не только одѣваетъ её, но и кормитъ медомъ, а та позволяетъ ему надѣть на неё цѣпь. Сл. еще II, c. 11: Simia.... suppletiva arte induitur; II, c. 25: Simia.... dum ornatur, fit turpior et anus ipsius difformior. — Физіологъ также говоритъ о безобразіи безхвостой, человѣкоподобной обезьяны, и даже дѣлаетъ её подобіемъ дьявола. Апологи стоятъ, очевидно, на другой точкѣ зрѣнія. Загадочной для меня является дважды повторяющаяся подробность (сл. выше, подъ l. 1, c. 9): объ обезьянѣ и *полнолуніи.* Сл. Artemidori Onirocriticon, l. II, c. XII: Κυνοκέφαλος τὰ αὐτὰ τῷ πιθήκῳ σημαίνει.... ἀνάκειται γὰρ τῇ Σελήνῃ (ed. Hercher, p. 104).

l. II, c. 9: овца, наскучивъ тираннiей пастуха, ищетъ свободы бѣгствомъ. Олень, указавъ ей на грозящія ей опасности, побуждаетъ её возвратиться.

---

[1]) Сл. басню объ обезьянѣ, попросившей у лисы половину ея хвоста, Kurz къ Burkh. Waldis, I, № XLI и Oesterley къ Romulus III, 17.

l. II, c. 11. Лиса, «magistra fallaciae», заманиваетъ къ голодному медвѣдю лань обѣщаніемъ, что онъ сдѣлаетъ ей рога (ad magistrum te dirigam jam expertum). Олень, встрѣтившійся ей по дорогѣ, спрашиваетъ её: quo vulpinam sequeris caudam?, и узнавъ, въ чемъ дѣло, останавливаетъ её такимъ разсказомъ: propter cornua ursus dedit quiete virtutis auriculam, cave, ne tu deterius amittas pellem et vitam. Ursus namque interrogatus a lupo, ut quid faciem pronam ferret, respondit: quia habeo debile caput. Cui lupus ait: muni ipsum cornibus, his ergo caput armavit natura bovinum, vade ad hominem arte dotatum et ponet. Quo invento magister ait: solve pro labore, volo hoc, quod dare non noceat; si brancham peterem, non dares, da mihi aures et nil tibi nocet. Quo volente scidit eas et ferens malleum, ut perforaret cranium ejus, audivit: fatuusne sum, ut perfores mihi caput? Qui ait: aliter tibi cornua non ponuntur. Tunc ursus abbreviatis auribus inquit: bene enim fatuus qui cornua cupit, perdit enim, ut video, caput discretionis et aures quietae virtutis. Et sic abscissis auribus sine cornibus abiit illusus. Сл. указаніе на ту-же или сходную басню въ l. II, c. 17: dicam .... illud quod olim bos urso inquit appetenti cornua: amice, bona sunt cornua, sed non tibi. — Въ греческой баснѣ (Halm 184; сл. Kurz къ Buck. Wald. I, XCIII) верблюдъ, завидуя быку, проситъ роговъ у Юпитера, который, въ наказаніе за неумѣстную просьбу, укорачиваетъ ему и уши. Такъ и въ талмудической баснѣ у Landsberger'a l. c. p. XLIV—V. — Съ лисой, завлекающей лань въ медвѣжью берлогу, сл. извѣстную басню въ Gesta Theodorici: о лисѣ, заманивающей оленя ко двору льва.

l. II, c. 12: (De nube et terra) споръ тумана (облака) и земли. Интересны слѣдующія подробности: связь восточной и правой стороны; адъ на сѣверѣ: ex magna quidem providentia conditoris superborum habitabilis locus aquilonari polo supponitur.

l. II, c. 15. De gallo et vulpe. Пѣтухъ поетъ, сидя на деревѣ, лисица выражаетъ свое изумленіе, пляшетъ отъ восторга, проситъ поцѣловать его мудрую голову, и схвативъ, съѣдаетъ. —

Сюжетъ разобранъ Колмачевскимъ, l. с. р. 93 слѣд.; ближе всего подходитъ нѣм. переводъ Directorium humanae vitae Іоанна Капуанскаго, (l. с. 100).

l. II, с. 21. Бесѣда павлина и ежа (De pavone et erinacio). Указаніе на апологи: Memento, quaeso, quod basilisci oculus occidit, quia et dicam tibi illud, quod olim simiae, se in eo cernendo lucescere gratulanti, inquit vulpes: gaude magis quod es, et nequaquam quod in luce similitudinis *specularis* appares.... Non audisti, quod tigris velocior raptos catulos perdidit, quia fixo quidem oculo in semita in *speculo* sui mirando similitudinem jam eos invenisse putavit?

l. II, с. 22: De struthione et corvo (сл. l. II, с. 4: de struthione et gallina): о страусѣ, пробующемъ летать. Указанія на два аполога: non audisti, quid *mus* responderit *talpae* de oculis glorianti, habere quippe oculum et non verum monstruosa caecitas est?... Similiter autem superbientem ex sexu taliter *equa mulum* confundit: nimirum apparentiae sexum habes, sed cares existentiae fructu, adulterina conjunctione plantatus (сл. a) l. III, с. 2: De talpa contra naturam; b) l. II. с. 5 и 19).

l. II, с. 25: похвальба павлина и обличенія ворона. «Amens ergo gloriaris in umbra, sed sicut aureus circulus in naribus (Graesse: auribus) sordidae suis, sic *carnis luciditas cum ignavia mentis*». Извѣстное изреченіе Соломоновскихъ Притчъ (XI, 22: ὥσπερ ἐνώτιον ἐν ῥινὶ ὑός, οὕτως γυναικὶ κακόφρονι κάλλος), распространенное въ цѣломъ рядѣ примѣненій. Слич.

Пчела 1623 г., по ркп. Син. библ. № 314.	Слово Даніила Заточника (Русск. Бесѣда, стр. 106).
Не лѣпо *въ ноздри* [*свиніи*] *оусерѧзь златъ*, ни на безумномъ ни на холопѣ добрыѧ порты, аще бо бы *оу котла златаѧ дуга*, а дну его ни черности не избыти, такъ и безумну и холопу оукора.	Не лѣпо *усерязь златъ въ ноздри свініи* ни на холопехъ добрыи портъ. Аще бы *котлу золоты колца во ушию*, на дну его не избыти черности и жжения его — такожъ и холопу.

[Сл. въ поученіи Акира Анадану: ты похожъ на *свинью*, которая пошла мыться въ банѣ съ боярами, но предпочла банѣ первую лужу, встрѣтившуюся на дорогѣ.... ты подобенъ *котлу, къ которому прикованы золотыя кольца*, дно же его не избавится отъ черноты: «сыну, былъ ти еси якоже котлу прикованѣ золотѣ колцѣ, а дну его не избыти черности». Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 79—80.—Ркп. Волоколамскаго монастыря, № 662, начала XVI в. (Кирила Философа): Братїе мои̑, котлꙋ а҆ще быша были златыѧ колца въ оу҆шїю, а҆ дну е҆го черности не и҆з'быти. тако и҆ холопъ, аще бы паче мѣры величал'сѧ и гордил'сѧ, а҆ и҆мени е҆мꙋ не и҆збыти холопьꙋ҃[1])]. — Изъ слова святаго Козмы презвитера: «и *стражетъ святое евангеліе* въ руку ихъ (еретиковъ)..., акы златъ усерязь свиньи во ртѣ» (Православный Собес. 1864, II, 99—100); «и какъ золотыя серги въ ноздряхъ у свиньи, такъ и злой женѣ *красота*» (Буслаевъ, Очерки I, 587: изъ Синодальной Палеи XVII вѣка). Сл.: bous d'or en gruing de porc (Guarnier de Pont St. Maxence, Vie de St. Thomas, v. 2769, сл. Romania, № 6, p. 240 прим.).

l. II, c. 26: Воронъ и Соловей: о пѣніи. Музыкальные инструменты: Nonne sapidius folles in organis canunt et in psalterio plectrum, in figella (fidella, vitella = viëlle?) pilus et in cithara mortuum intestinum?

l. III, c. 3. Крокодила убиваетъ scrophilus (птица). Смѣшеніе τροχίλος (птицы) и ихневмона = ила. Сл. Aelian. VIII 25, Aristot. 335; Athen. IX, 10 Phile 76; Plin. VIII, 37. Упоминаются: Діогенъ и Александръ Македонскій. философъ Stilbon и Димитрій. — «An ignoras quod post Darium maximo, cum Democriti praeceptoris sui opinionem ei comes Ausquardus (sic) exposuit de pluralitate mundorum, gemitum donanti Macedoni

---

[1]) Сл. Вас. Рождественскій, Пртчи съ именемъ Кирилла Философа, Чтенія въ Общ. любит. Духовнаго Просвѣщенія 1881, Дек. стр. 581—2, см. 583—4, 585. Изслѣдованіе Рождественскаго касается вопроса о нашихъ Апологахъ, но не даетъ ничего новаго къ ихъ разрѣшенію.

Alexandro: heu me, quia post tot labores invidos laetalesque casus nondum eorum potitus sum uno! [1]).

l. III, c. 4. Разговоръ богача, желающаго еще болѣе разобогатѣть, съ Фортуной. Упоминанія: Non audisti olim, quid Apollinis idolum pastori per achatem lapidem regni Lydiae facto regi sciscitanti, si quis in mundo superesset felicior, deliciosas confutans divitias respondit? Mox enim superbienti Gygi Zophidium Achadium senem pauperem praetulit....

l. III, c. 8. Разговоръ лисы, страдающей водянкой, съ ласочкой (mustela). Лиса напоминаетъ ей qualiter olim dente tuo vitam de laqueo mortis quasi noviter renatam rapuerim. Сл. l. III, c. 11 (ласочка совѣтуетъ голодной лисѣ, пролѣзшей въ амбаръ, не слишкомъ наѣдаться, чтобы не застрять въ щели при выходѣ) и l. IV, c. 4 (ласочка, какъ совѣтница лисы). Это — мотивъ Эзоповской басни (Halm 31 и 31 b; Babrios 86; сл. Edélestand Du Méril, Poésies inédites du moyen âge, p. 134, прим. 3 и 4; Kurz къ Burkh. Waldis I, XLIV), о распространенности которой см. у Колмачевскаго, l. c. p. 149; сл. еще Landsberger, l. c. p. LX—LXI.

l. III, c. 10. Нѣкій юноша, услышавъ о золотыхъ горахъ въ Индіи, отправляется туда, влекомый любостяжаніемъ. Его останавливаетъ gymnosophisticorum (у Graesse: Gigno sophisticorum!) quidam ...: si grifes appropinquare te viderint, jam pro auro perniciem habebis.... Smaragdinas namque gemmas arenulasque aureas Sithiae hosque montes grifes possident [2]). Отчаяніе юноши и утѣшенія старца (на тему: что есть высшее благо?);

---

[1]) Сл. Nicolai Pergameni Dialogus Creaturarum, ed. Graesse, dial. 82, p. 228—9: Narrat Valerius libro VIII°, quod, cum Alexander audisset ab Anaxarcho comite suo ex auctoritate Democriti sui praeceptoris praecipui, innumerabiles esse mundos, heu me, inquit, miserum, qui nec uno adhuc potitus sum.

[2]) Сл. о грифахъ Dialog. creat., dial. 87 (съ ссылкой на Isidor. Etym. XII°).

«bragmani ut libera tranquillitate civiliter versarentur, aurum totaliter a suis finibus abdicarunt, et brabitae, civilitatis cultores, ne usu ejus polluti avaritia corrumperent aequitetem et salutarem pacem perderent, ideo in terrarum profundum abjiciunt hujus genus metalli, cum emunt. — Подробности о чудесахъ Индіи, о брахманахъ и гимнософистахъ напоминаетъ Палладіево Περὶ τῶν τῆς Ἰνδίας ἔθνων καὶ τῶν Βραγμάνων и соотвѣтствующій эпизодъ Псевдокаллисѳена; индійскіе грифы, стерегущіе золото, перешли изъ разсказа Ктезія къ Павзанію и Эліану; сл. еще Геродота III, 116; IV, 13.

l. III, c. 12. De simia et histrione (сл. выше, стр. 53). — «Muneribus excaecatus tam admirabilis Balaam periit, muneribus judicialis sedes domus Jacob depravata liberis Samuelis Israhel in praejudicium cecidit. Muneribus corrupto senatu dudum florido, sicut providerat princeps, ingravata murmuratione Romana gloria transivit. Etenim cum emptis iniquo munerum pretio datoribus legum fratricida ingratissimus et nequam praedo justificatus fuit, tunc Iusticia recessit a Roma et converso ad eam vultu clamavit et dixit: O urbem venalem et matrem tradituram, si inveniret emptorem!

l. III, c. 14. De sanguisuga et formica (піявка, напившись больной крови, околѣваетъ; такъ и драконъ отъ крови слона).

l. III, c. 18. Бесѣда паука и шелковаго червя; онъ названъ: *doctor liberalitatis;* сл. l. III, c. 20 (De vermiculo faciente sericum): vermiculus liberalis; сл., еще III, c. 22 (sic liberalis vermiculus viscera propria in beneficium cuncta dedit). Doctor liberalitatis отзывается какъ-бы арабскимъ стилемъ.

l. III, c. 22. De die et nocte. Упоминается Антигонъ, отказавшій просителю (Cuneo) въ талантѣ, и щедрость Александра Македонскаго.

l. III, c. 26. De vipera et ejus filiis. Извѣстныя баснословныя подробности Физіолога о зачатіи и рожденіи эхидны (Pitra, l. c. p. 347: греч. Физіологъ). Сл. эпизодически c. 25 и IV, c. 7, 8 (De phoenice et vipera) и 10 (De vipera et elephante).

Эхиднѣ противополагаются фениксъ и слонъ, какъ образцы чистоты, castitas. О слонѣ и эхиднѣ по Физіологу сл. Koloff, l. c. 222 слѣд., 262—3.

l. III, c. 27; сл. l. IV, c. 3. De cane et lupo. Мотивъ отчасти эзоповскій (Halm, № 231; сл. Колмачевскій, l. c. p. 145).

l. IV, c. 2: De porco et vulpe. Мотивъ разговора напоминаетъ Бабрія (F. 37, Halm 163) и соотвѣтствующія индѣйскую и еврейскую басни. Landsberger p. XXXIV слѣд., Benfey, Orient u. Occ. I, 2, p. 360—1.

l. IV, c. 9. Преніе розы, лиліи и фиговаго дерева. Восторженная похвала «святой дѣвственности» вложена въ уста розы и лиліи: sancta virginitas ipsum naturae et virtutis est germen pretiosissimum, flos amoenissimus et splendor clarissimus, fructus dulcissimus, decor praestantissimus, odor suavissimus, valor totus.... Ut rosa igitur fragrans et lilium rutilans est sancta virginitas, flos et fructus, ad cujus quidem fragrantiam unicornis tractus suaviter currit, cujus dulcedine ferocitas mansuescit, cujus puritate ejus tam valida delectata potestas quasi victa in nitido gremio virginali reverentialiter prostrata recumbit. Инорогъ, умиротворяющійся на лонѣ дѣвственницы — извѣстный по Физіологу символъ Христа (Koloff, l. c. 226; сл. Pitra, l. c. 355—6: греч. Физіологъ; ibid. p. 57—8: Melitonis Clavis и комментарій).

Вопросъ объ авторѣ Апологовъ по прежнему остается открытымъ. Выбирая изъ нихъ матерьялъ животной саги и физіолога, историческаго анекдота и бытовыхъ данныхъ, я лишь желалъ указать на группу вопросовъ, отъ освѣщенія которыхъ зависитъ, быть можетъ, и разрѣшеніе общаго. — Не лишенными значенія представляются пока два общихъ наблюденія, которыя мы могли сдѣлать: уравновѣшенныя роли ворона и лисы, напоминающія восточную животную сагу и — принципъ вводныхъ апологовъ (I, 9, 26; II, 11, 15, 17, 21, 22; III, 2, 7), указываю-

щій на обычный планъ восточныхъ сборниковъ (Панчатантра и ея истоки и переводы) либо тѣхъ, которые составлялись подъ ихъ вліяніемъ (Solwan el Mota' сициліанскаго арабскаго писателя XII вѣка Ibn Zafer'a; Raimon Lull). Подъ вводнымъ апологомъ я разумѣю то его употребленіе, когда онъ является орудіемъ убѣжденія или отповѣди въ устахъ лица, дѣйствующаго въ другомъ апологѣ или разсказѣ. Въ нашемъ текстѣ эта популярная на востокѣ литературная рамка обыкновенно является не развитою, дѣйствующія лица указываютъ лишь въ общихъ выраженіяхъ на *знакомое* содержаніе басни; но въ одномъ случаѣ (II, 11) мы имѣемъ дѣло съ такимъ-же точно развитіемъ, какой встрѣчаемъ напр. въ пересказахъ Панчатантры: лиса завлекаетъ лань въ медвѣжью берлогу, а олень останавливаетъ её не увѣщаніемъ, а конкретнымъ апологомъ: о медвѣдѣ, домогавшемся роговъ и лишившемся ушей. Въ Gesta Theodorici, составленныхъ въ Италіи, пріятель его Птоломей, не имѣя возможности прямо предупредить его о коварныхъ замыслахъ императора, точно также прибѣгаетъ къ апологу, который съ умысломъ разсказываетъ въ присутствіи посланца Теодориха: объ оленѣ, завлеченномъ въ львиную берлогу хитрой лисою. Подобное-же литературное употребленіе вводнаго аполога встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ памятникѣ, который, сколько помнится, еще не былъ привлекаемъ къ исторіи средневѣковой басни — и также принадлежитъ Италіи. Я имѣю въ виду Liber de obsidione Anconae (Muratori, Rer. Ital. Script. t. XI), написанный флорентійцемъ Boncompagni, профессоромъ въ Болоньѣ съ 1218 г., авторомъ цѣлаго ряда сочиненій по реторикѣ. — Въ 1172 году имперское войско подъ начальствомъ Христіана, архіепископа Майнцкаго и канцлера имперіи, осадило Анкону.

Cap. V. Qualiter ivit legatus civium ad Cancellarium. Porrò Anconitani fame valida oppressi quemdam sapientem virum ad Cancellarium transmiserunt, immensam promittendo pecuniam, si vellet ab obsidione cessare. Ille autem hoc audito subridens ait: En offerunt nobis Anconitani pecuniam, quam habemus et habere

videmur. Sed dicimus tibi quod merito posset inter fatuos reputari qui haberet totum et requireret partem. Ediscite tamdem parabolam istam, quae sapientis indiget explanatione.

Cap. VI. Quaestio Cancellarii facta illi legato. Quidam venator non cum paucis canibus intravit maximam sylvam, in qua reperit Leonam, quae dominari pluribus animalibus videbatur. Hanc non modico tempore insequens, multos canes amisit, et vestimenta propria dilaniavit. In spelunca demum ipsam reclusit, ubi fame taliter angebatur, quod manus non poterat evadere venatoris. Rugiebat in fine, volens cum venatore componere pro ungula pedis. Consuleres igitur venatori, ut pro ungula dimitteret Leonam? — Ille autem excogitavit aliquantulum, quid Cancellario responderet; postmodum verò in hunc modum sic respondit:

Cap. VII. Responsio legati. Si venator, qui sylwam intravit, meis deberet consiliis acquiescere, non dimitteret pro ungula Leonam; sed si vellet cum ungula summitatem traderet aurium, consulerem venatori facere pactum, quia breviter habuisset totius corporis potestatem.

Cap. VIII. Quomodo legatus aliam posuit quaestionem. Contigit quippe multotiens quod qui totum requirit, partem amittit, sicque diuturno labore privatur. Nam cum auceps quidam rete pro columbis in agro tendisset, more solito escam projecit, ad quam capiendam VII columbae venerunt, pro quibus expandere noluit rete, credens illas, quae in arboribus residebant, comprehendere cum illis. Expectavit diu, et ecce supervenerunt falcones volitando per aërem et sic VII quae jam ceperant escam fugerunt. Tutius ergo fuisset aucupi VII comprehendisse columbas, quam sic rediisse domum oneratum labore.

V.

ПОВѢСТЬ О ВАСИЛИИ КОРОЛЕВИЧѢ ЗЛАТОВЛАСОМЪ ЧЕШСКІЯ ЗЕМЛИ И НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Акад. А. Ѳ. Бычкову удалось недавно открыть въ одномъ сборникѣ Имп. Публ. библіотеки списокъ повѣсти, которая, со времени Снегирева, не была доступна по рукописямъ ни А. Н. Пыпину, ни послѣдующимъ за нимъ ученымъ. Изданіе г. Шляпкина[1]), познакомившее насъ съ содержаніемъ повѣсти, позволяетъ отнести её къ тому западному литературному теченію, которое принесло къ намъ и Римскія Дѣянія, и Брунцвика и Аполлонія Тирскаго и т. п. Какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь, вѣроятно посредство Польши; разумѣется, имена Мечислава = Мстислава = Станислава (безразлично употребляемыя для обозначенія одного и того-же лица, чешскаго короля) ничего не говорятъ ни за польскій пересказъ, ни за чешскій оригиналъ: рядомъ съ Мечиславомъ стоитъ романическое Полиместра; воспоминаніе о старыхъ историческихъ сношеніяхъ Чехіи съ Франціей исчезаютъ за измышленіями сказочнаго характера и позднѣйшаго повѣствовательнаго стиля.

Языкъ перевода крайне пестрый: рядомъ съ сенаторскими и рыцарскими дѣтьми — «поклисари» и откровенность народной пословицы.

Повѣсть заявляетъ себѣ «притчей» съ самаго заглавія: «Притча яко невѣстамъ девицамъ и юнымъ вдовицамъ хотящимъ посягати за мужъ не довлѣетъ жениховъ своихъ злословити и присланныхъ о(тъ) нихъ безчестить». — «Бысть в древнія времена лѣта в нѣмецкихъ рєжихъ въ ческой земли во градѣ Прагѣ

[1]) Изд. въ Памятникахъ древней писменности и искусства, СПБ. 1882.

король именемъ Мечиславъ» (далѣе: Мстиславъ, Станиславъ), у него сынъ красавецъ, «Василій Златовласый». Когда приспѣло ему время жениться, отецъ ищетъ ему подходящей невѣсты, а гость Василій указываетъ царевичу на Полиместру, дочь Французскаго короля Карлуса: она «красотою лепше тебя и разумомъ подобна тебѣ во всемъ». Царевичъ проситъ отца послать къ ней «поклисарей, сирѣчь сватовъ», но тотъ сомнѣвается въ успѣхѣ: «Франчушское королевство издавна велико и славно и честно и богато, а наше кролевство предъ нимъ мало и убого и неславно и франчюшской народъ не дастъ за тя, лишь срамоту пріимешь себѣ и мнѣ и поклисари наши бездѣлны возвратятся». Тѣмъ не менѣе онъ предоставляетъ сыну дѣйствовать по своей волѣ: сваты отправлены съ письмомъ и дарами, между прочимъ съ драгоцѣнной чашей, назначенной королевнѣ, на днѣ которой было написано: «кралевна государыня, прекрасная Полиместра, пріими сію чашу и поди за меня за кралевича Василія Златовласова». — Поклисари приняты честно, но когда Полиместра прочла написаніе въ чашѣ, бросила её о помостъ «и рекла выкладъ сице: не тертъ-де (не) колачъ, не мятъ-де не ремень, не тотъ-де сапогъ не въ ту-де ногу обутъ: садится лычко къ ремяшку лицомъ, понять-де хочетъ смердовъ сынъ кралевскую дочь: никогда-де того не будетъ еже смердову сыну кралевскую дщерь понять». Въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ и король, «поклисари-же возвратишася посрамлени».

Опечалился Василій Златовласый, проситъ отца отпустить его во Францію, «отмстити смѣхъ свой королю Карлусу и дщери его кралевнѣ Полиместрѣ». И на этотъ разъ отецъ отговариваетъ его, но воли съ него не снимаетъ. Снарядивъ корабль съ великими дарами, королевичъ беретъ съ собой гостя Василія и тридцать отроковъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей: всѣ они будутъ матросами и одинаково называться Васильями, гость Василій хозяиномъ, онъ самъ — его рабомъ. Когда они пріѣхали во Францію и пристали «на берегу града», король велѣлъ Василію-гостю быть у себя и посадилъ его съ собою за столъ,

а тѣмъ временемъ «кралевичъ Василій на караблѣ началъ въ гусли играти отъ премудрости своея зѣло дивно, яко никто отъ человѣкъ юныхъ тако не умѣетъ играти; и какъ заигра въ гусли, то вся во градѣ и на дворѣ кралевскомъ танцовать стали». Узнавъ, что то играетъ «рабъ» гостя Василія, король велитъ позвать его, но тотъ повинуется лишь приказу своего господина. Явившись, онъ начинаетъ играть на гусляхъ, «и король и кралева ево и вси ту предстоящіи начаша танцовати»; снова заигралъ, и всѣ плясавшіе заснули. Тогда вышла къ нему королевна, дотолѣ любовавшаяся на него изъ другаго покоя, и сказала: «Играй, Василій! Онъ же, увидѣвъ ее, зѣло возрадовался душею, яко такова прекрасна, како возвѣстилъ ему о ней гость Василій. И рече ей королевичъ Василій: Государыня, прекрасная кралевна Полиместра, изволь пойти во свою комнату, аще не изыдеши отсюду, не буду играти; батюшка твой пробудется отъ сна и мати твоя и тебя ту узрятъ, и тогда ты срамоту пріимешь, а язъ гнѣвъ пріиму отъ батюшки твоего. И тако кралевна Полиместра исшедъ вонъ изъ палаты». Тогда королевичъ опять принимается играть, и всѣ проснулись.

Королю такъ понравился гусельникъ, что онъ предлагаетъ гостю Василію — продать ему его. «Цѣна сему отроку такова», говоритъ, послѣ долгаго отнѣкиванія, гость Василій: «поставь его на златомъ коврѣ и осыпь его всего съ головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цѣна». На этомъ сошлись. Оставшись при королѣ, Васька гусельникъ проситъ его, по нѣкоторомъ времени, отвести ему по близости, мѣсто, гдѣ ему построиться, чтобы близко было ходить играть ко двору. Король далъ ему мѣсто на строеніе и десять тысячъ червонцевъ; къ нимъ Василій присоединилъ своихъ денегъ болѣе того, и вскорѣ выросли каменныя палаты на диво, лучше королевскихъ; «и построилъ едину палату, гдѣ опочивъ ему держати, изъ стеколъ зеркальныхъ, и мостъ изъ стеколъ-же зеркальныхъ; а въ ней устроилъ и кровать себѣ изъ стеколъ-же зеркальныхъ лучше кровати королевскія и покры мостъ въ спалнѣ сукномъ краснымъ кармазиннымъ».

Въ палаты онъ перевелъ съ корабля своихъ тридцать отроковъ, а гостю Василію велѣлъ оставаться на кораблѣ.

Каждый день ходилъ онъ играть къ королю и королевнѣ, которая начинаетъ подозрѣвать, что онъ не простаго рода и, желая вывѣдать отъ него тайну, подпаиваетъ его. Но Василій замѣтилъ ея намѣреніе, вино выливаетъ въ сторону, а самъ, прикинувшись пьянымъ, проситъ королевну дать ему провожатаго до дому, который донесъ-бы за нимъ его гусли. Королевна отпускаетъ съ нимъ одну изъ своихъ дѣвицъ, которой Василій показываетъ свои палаты и сокровища; «токмо единаго полу хрустальнаго не показа ей подъ закрытіемъ сукна». Дѣвица изумляется: «откуду таково красованіе и строеніе палатъ взято и за какіе малые дни устроено, яко и у самаго короля таково строенія нѣтъ». Василій, очевидно, не простаго рода; онъ даритъ ей, вынувъ изъ чпага [1]), золотой перстень и отпускаетъ домой. Та все пересказала королевнѣ. Когда на другой день Василій опоздалъ приходомъ къ королю, онъ объясняетъ это тѣмъ, что поздно игралъ у его дочери, явился домой хмѣльной и проспалъ. Странный сонъ онъ видѣлъ: «Кабы, государь, чрезъ твой кралевскій дворъ шла еленя зѣло изредна и пришла на той дворишко, азъ же даровалъ ей златый перстень, изъ двора спустилъ, она же паки пошла чрезъ твой кралевскій дворъ». Король говоритъ, что сну этому нечего ужасаться: «сонъ твой добръ есть, аще сбудется».

Слѣдуетъ новая попытка Полиместры подпоить Василія, котораго на этотъ разъ провожаетъ другая дѣвица. Тѣже подробности, подарокъ (золотая цѣпь) и тотъ-же сонъ, только елень была «лепшія той елени во всемъ, иже въ прежной нощи видѣлъ».

На третій разъ сама королевна изъявляетъ желаніе побывать у Василія, когда дѣвицы успокоили её, что она не приметъ отъ

---

[1]) Слову чпагъ г. Шляпкинъ посвятилъ въ предисловіи небольшую замѣтку. Сл. тоже слово въ житіи Нифонта, Разысканія VII 205: очевидно — мѣшокъ, кошелекъ, а не ковчегъ.

него никакого «безчестія». Одна изъ дѣвицъ облеклась въ ея одежды и, когда подгулявшій будто-бы Василій попросилъ себѣ провожатаго, мнимая королевна велитъ Полиместрѣ, явившейся на этотъ разъ въ роли «дѣвицы», сопутствовать гусельнику. Василій показываетъ ей свои палаты, вводитъ въ спальную, гдѣ, снявъ сукно съ стеклянаго полу и раздѣвъ королевну до-нага, принимается бить её нагайкою, приговаривая: вотъ тебѣ не тертъ не калачъ, не мятъ не ремень и т. д. По тѣмъ словамъ Полиместра познала Василія Златовласаго. Она проситъ у него прощенія, молитъ пощадить по крайней мѣрѣ ея дѣвственность; онъ отвѣчаетъ: «аще сего не сотворю, не имаши мнѣ быти кралева и не пойдеши за мене, понеже не есть отомщенъ смѣхъ твой». Лишь сотворивъ съ ней свою волю онъ отпускаетъ её отъ себя, подаривъ ей драгоцѣнный вѣнокъ. — На другой день Василій разсказываетъ королю о златорогой лани, видѣнной имъ во снѣ: будто онъ ее поймалъ и билъ довольно и кожу содралъ, и возложивъ на главу ея вѣнецъ, отпустилъ, а она побѣжала черезъ королевскій дворъ. Король опять успокаиваетъ Василія, а самому приходитъ въ голову: что это онъ часто сны видитъ? не затѣваетъ-ли что противъ меня?

Между тѣмъ Василій тайкомъ уѣхалъ на кораблѣ въ свою землю, а на вратахъ двора своего прибилъ письмо, въ которомъ объявилъ, кто онъ и какъ отмстилъ королевнѣ Полиместрѣ. Та во всемъ повинилась отцу. Три раза посылаетъ онъ поклисарей въ Чешскую землю, моля Василія пріѣхать и взять за себя его дочь; лишь на третій разъ склоняется Василій на просьбы. По смерти Карлуса онъ становится французскимъ королемъ — и Чешскимъ, по смерти отца; первое королевство онъ оставляетъ въ наслѣдіе сыну своему Карлу, второе другому сыну Александру.

Имена эти, равно какъ и имена главныхъ дѣятелей повѣсти, принадлежа̀тъ, вѣроятно, ея искомому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненіе и нѣкоторые неясно разсказанные ея эпизоды. Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный

полъ, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь-же диковинною свирѣлью, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разсказа, далѣе ничѣмъ не мотивирована, какъ остается необъясненнымъ, почему и гость, ѣдущій съ царевичемъ, и его тридцать спутниковъ названы Васильями.

Бòльшая часть этихъ недоумѣній разрѣшаются слѣдующими сказками: *о хитрой дѣвѣ.*

Въ сказкѣ № 116 b у Аѳанасьева царь отправляется свататься за Елену прекрасную; съ нимъ его совѣтникъ *Никита* Колтома (въ № 116 a: Котома, дядька царевича), берущій съ собою «двѣнадцать добрыхъ молодцевъ: ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ и голосъ въ голосъ»: *двѣнадцать Микитъ* въ сказкѣ у Худякова (ск. III, № 120). Въ № 116 с вмѣсто Колтомы названъ Иванъ Голой, отправляющійся съ царевичемъ (сл. Ивана Голика въ малорусск. сказкѣ у Кулиша, Зап. о Южной Руси, II, стр. 59 слѣд., и въ сборникѣ Чубинскаго, отд. I, № 60); въ тождественной сказкѣ № 133 царевичъ ѣдетъ свататься за Елену прекрасную, его помощникъ *Иванъ купеческій сынъ* (= Василій гость въ повѣсти), съ нимъ «*двѣнадцать человѣкъ*, а похожи другъ на дружку, словно братья родные — ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Нарядились они въ одинаковые кафтаны, по одной мѣркѣ шитые»; «*ихъ всѣхъ зовутъ Иванами*» — и ихъ роль понятна: *хитрая* царевна ставитъ условіемъ брака — разрѣшеніе ея загадокъ и исполненіе мудреныхъ порученій: дѣлаетъ то и другое, за царевича, его слуга, Иванъ купецкій сынъ; догадавшись въ чемъ дѣло, царевна изъявляетъ желаніе видѣть слугу Ивана, но оказывается, что у царевича всѣ слуги — Иваны, всѣ одинъ, какъ другой, и ухищренія дѣвушки — заставить настоящаго объявиться или проговориться, не достигаютъ цѣли.

Первоначальная роль Василія-гостя и молодцевъ Васильевъ опредѣляется аналогіями указанныхъ сказокъ, въ которыхъ я

отмѣчу еще слѣдующія черты: въ № 133 Иванъ-Купеческій сынъ = Котома-Иванъ № 116 добываетъ на пути къ невѣстѣ три диковинки, которыя далѣе являются пригодными при сватовствѣ: шапку-невидимку, коверъ-самолётъ и сапоги-скороходы; въ стихотворномъ пересказѣ у Рыбникова, III, № 57, достойно становящемся рядомъ съ сказочной былиной о Подсолнечномъ царствѣ [1]): шапочку невидимочку, скатерешочку-хлѣбосолочку и коверъ-самолетный. Въ этой связи могъ первоначально являться въ № 116 b Аѳан. и чудесный свистокъ, отъ звука котораго всё ходитъ ходуномъ, и свинки въ стадѣ принимаются плясать; въ записанномъ варьянтѣ этотъ эпизодъ едва-ли не попалъ не въ свое мѣсто, уже послѣ разсказа о сватовствѣ, съ которымъ онъ первоначально могъ быть связанъ. Укажу на аналогію, представляемую № 131 Аѳан.: Иванъ достаетъ у сѣдаго рогатаго старика гусли-самогуды, подъ звуки которыхъ пляшетъ его стадо. «Ванька сидитъ на пенькѣ да играетъ въ гусли самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царевна свою дѣвушку, проситъ у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говоритъ: Пусть сама придетъ! — Приходитъ царевна: Пастухъ, Пастухъ! Продай мнѣ свинку! — У меня свинки не продажныя, а завѣтныя! — А какой завѣтъ? — Да коли угодно, царевна, свинку получить, такъ покажи мнѣ свое бѣлое тѣло до колѣнъ». — Царевна согласилась, и пастухъ могъ замѣтить на правой ногѣ у ней родимое пятно. Впослѣдствіи отецъ царевны обѣщаетъ отдать её замужъ тому, кто узнаетъ на ней примѣты; пастухъ явился естественнымъ отгадчикомъ. Сл. W. v. Schulenburg, Wendische Volkssagen etc., p. 66—9. — Жениха — свинопаса мы встрѣтимъ въ одной изъ версій разсматриваемаго далѣе сказочнаго типа.

Нѣкоторыя подробности Повѣсти выяснились изъ приведенныхъ выше сказочныхъ параллелей; ея дидиктическая цѣль:

---

[1]) Сл. мою статью: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ, Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1878, Апрѣль.

«яко невѣстамъ, дѣвицамъ.... не довлѣетъ жениховъ своихъ злословити» ставитъ её въ рядъ многочисленныхъ западныхъ сказокъ: *о разборчивой невѣстѣ* [1]).

Въ нѣмецкой сказкѣ (Grimm № 52: König Drosselbart и варьянты) горделивая царевна отказываетъ всѣмъ женихамъ,

---

[1]) Ея библіографію см. у Grimm'овъ прим. къ № 52; Аѳанасьева, прим. къ № 132; R. Köhler'a, прим. къ Sicilianische Märchen, von Laura Gonzenbach № 18; Pitrè, Fiabe, novelle, racconti, къ № CV; Köhler y Cederschiöld, Clarus Saga, Clari fabella, islandice et latine. Lund, 1879, p. 1; сл. Edzardi въ Literar. Centralbl. 27 März 1880 и Bugge, Studien über die Enstehung der nord. Götter- u. Heldensagen, 1e Reihe, 2es Heft p. 141—2; Cosquin, Contes populaires lorrains, въ Romania № 32, къ XLIV. — Вотъ относящіяся сюда сказки: Норвежскія у *Asbjörnsen'a og Moe*, Norske Folkeaeventyr, 2 ed., № 45 = v. II, № 15 въ переводѣ Bresemann'a (сл. ibid. еще № 8); *Slov. pohádky a pověsti* (Sebrané spisy Boženy Němcové, VII dil) p. 213 слѣд. (Otcovo dědictví); *Grundtvig*, Gamle danske Minder, III, 1; *Grimm*, Kinder- und Hausmärchen, № 52 (и варьянты); *Pröhle*, Kinder- und Volksmärchen, Nr. 2; *Kuhn*, Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen, t. II, p. 251—255, Nr. 17 (сл. вторую часть одной сказки у Zingerle, Sagen, Märchen u. Gebräuche aus Tirol, p. 436, № 1 и конецъ сказки у Kuhn'a, l. c. № 13); P. *Kennedy*, Fireside Stories of Ireland, p. 114; Sébillot, Contes populaires de la Haute Brétagne № XXIII (La dédaigneuse punie); *Cosquin*, l. c. № XLIV; *Pitrè*, l. c. № CV; *Gonzenbach*, l. c. № 18; *Gradi*, La vigilia di Pasqua di ceppo, p. 97: La principessa Salimbecca e il principe Carbonajo (сіэнская); *Knust*, Italienische Märchen, въ Jahrb. f. rom. u. engl. Liter. VII, № 9 (ливорнская); *Coronedi Berti*, Nov. popolari bolognesi, въ Propugnotore VII, № 15: Brisla in barba; F. Adolpho Coelho, Contos populares portuguezes (Lisboa, 1879), p. 100—102. — Изъ древнихъ пересказовъ: *Clarussaga*, l. c.; *Luigi Alamanni* (1495—1556): новелла о графинѣ Тулузской и графѣ Барселонскомъ (сл. Köhler къ № 18 Gonzenbach); *Pentamerone*, übertr. von Felix Liebrecht, v. II, № 40. — Присоединю къ этому и новеллу *Konrad'a v. Würzburg* у v. d. Hagen, Gesammtabenteur, I, стр. 211 слѣд.; сл. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 изд., Bd. I, p. 214, 215, 242 слѣд. — Выдержки изъ сборниковъ Куна и Коэльо сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, проф. Л. З. Колмачевскимъ.

надо всѣми глумится, всѣмъ даетъ смѣшныя клички. Одного она прозвала Drosselbart или Bröselbart; послѣднюю кличку Гриммъ объясняетъ, очень вѣроятно, изъ того, что у царевича во время ѣды застряла въ бородѣ крошка. — Черезъ нѣкоторое время является ко двору красивый шпильманъ и поселяется насупротивъ царевниныхъ оконъ. Однажды она видитъ, какъ онъ вертитъ пальцами небольшое золотое колесо, издающее мелодическіе звуки; она проситъ его научить её играть, желала бы пріобрѣсть и колесо, но шпильманъ отдаетъ его лишь подъ условіемъ: чтобы царевна вышла за него замужъ. Та горделиво отказываетъ. Въ другой разъ она опять видитъ шпильмана, играющаго на золотомъ «мотовилѣ», и на этотъ разъ она не выдержала и цѣной колеса и мотовила отдала свою руку. Рядомъ лишеній и униженій она искупаетъ свою гордость, пока не узнаетъ въ концѣ, что ея мужъ — отверженный ею царевичъ Bröselbart.

Содержаніе норвежской сказки (Bresemann II, № 15) существенно такое-же. Гаконъ Боркенбартъ, оскорбленный насмѣшкою гордой невѣсты (она велѣла обрѣзать уши его коню, у другаго распороть ротъ до ушей), рѣшается наказать её: добывъ дорогія золотыя вещи, прялку съ такими-же пестикомъ и мотовиломъ, онъ три раза является къ ней въ видѣ нищаго и уступаетъ ей тѣ вещи — первую за то, чтобъ она позволила ему заснуть у дверей собственной спальни, другую за то, чтобы позволила провести ночь въ самой спальнѣ на полу, а третью, если дозволитъ ему выспаться рядомъ съ собою. Прельщенная этимъ предложеніемъ, дѣвушка на всё соглашается; послѣ того она забеременѣла и родила малютку, а раздраженный отецъ отдалъ её за нищаго: это былъ Гаконъ. Онъ привелъ её въ большую хижину, заставилъ исполнять самыя черныя и трудныя работы и далъ много уроковъ ея гордости; такая жизнь смиряетъ её, и сказка кончается счастливо, какъ и предъидущая.

Въ датской сказкѣ дѣвушка также издѣвается надъ молодцемъ (дважды она велитъ обрѣзать уши и гривы его бѣлымъ и воронымъ конямъ; пробить его яхту, такъ что она пошла ко дну)

который прельщаетъ её впослѣдствіи подарками (золотая прялка съ такими-же пестикомъ и мотовиломъ), и также добивается позволенія проспать у покоя царевны, въ немъ самомъ, наконецъ въ постели. Дальнѣйшее развитіе, въ общемъ, такое-же, какъ во всѣхъ сказкахъ этого типа.

Въ разсказѣ Пентамерона (übertr. v. Liebrecht, v. II, № 40) дѣйствующія лица: царь, домогающійся напрасно руки неприступной царевны, которая, чтобы получить драгоцѣнныя одежды, дозволяетъ мнимому садовнику-царю переночевать въ ея залѣ, прихожей и, наконецъ, въ спальной. Результатъ тотъ-же, что въ предъидущихъ сказкахъ: тѣ-же испытанія царевны, которая рѣшилась бѣжать съ садовникомъ, чтобы скрыть свой стыдъ. — Сициліанская сказка у Питрэ (№ CV) повторяетъ сюжетъ Пентамерона въ главныхъ его подробностяхъ. Остановлюсь лишь на глумленіи царевны: за столомъ царевичъ нагнулся, чтобы поднять упавшее на полъ зернышко гранаты, которую до тѣхъ поръ никогда не ѣдалъ; дѣвушка вмѣняетъ это его жадности и потому отвергаетъ его. Такъ и въ португальской сказкѣ: царевна отказываетъ жениху, графу Парижскому, потому что за обѣдомъ онъ не стряхнулъ съ бороды зернышка гранаты, а взялъ его въ ротъ. Иначе въ довольно искаженномъ сициліанскомъ варьянтѣ сборника Гонценбахъ № 18: царевна замѣтила, что женихъ сѣлъ на стулъ, на которомъ лежало перышко, и что, когда онъ ѣлъ, капля соуса упалу ему на грудь. Pinna in seggia e sarsa in pettu! глумится она и не хочетъ слышать о сватовствѣ. Въ болонской сказкѣ она смотритъ изъ за занавѣса на жениховъ, сидящихъ на пиру: у этого носъ великъ, у того ротъ; вотъ этотъ всѣмъ-бы хорошъ, да неопрятенъ (srà un gran porch): у него послѣ обѣда осталось на бородѣ крошка (brisla). Это опять знакомый мотивъ нѣмецкаго Bröselbart. Сравните для этой черты скабрёзную новеллу Конрада Вюрцбургскаго: гордая царевна, отказывавшая всѣмъ женихамъ, глумится и надъ рыцаремъ Арнольдомъ: за столомъ подали груши, по одной на двоихъ; рыцарь, сидѣвшій рядомъ съ дѣвушкой, разрѣзаетъ одну, позабывъ очистить её

отъ кожуры, половину самъ съѣдаетъ, другую предлагаетъ дѣвушкѣ, что̀ и даетъ ей поводъ издѣваться надъ нимъ — и не мѣшаетъ ему отдаться, когда онъ явился къ ней подъ видомъ юродиваго.

Особую разработку нашей сказочной темы представляетъ словацкая и одна норвежская сказки (Bresemann, II, № 8). Начну съ первой, какъ болѣе сохранной. Умирая, старый король спрашиваетъ своихъ сыновей, что каждый изъ нихъ пожелалъ-бы получить въ наслѣдство. Двое старшихъ хотятъ быть королями, третій, Петька, выражаетъ желаніе, чтобы его любилъ всякій, кто на него ни посмотритъ. По смерти отца братья отправляются странствовать: двухъ старшихъ всюду принимаютъ съ почетомъ, третьяго, бѣдняка, хозяйки (krčmářka, gazdina, paní) встрѣчаютъ вначалѣ сурово, но, поглядѣвъ на него, тотчасъ-же прелагаютъ гнѣвъ на милость и дарятъ на память: горшокъ изъ оплетенной тыквы, въ которомъ не переводилось питье; скатерть самобранку; треугольную шапочку: подвинешь её на лѣвое ухо, будетъ стрѣлять изо всѣхъ трехъ концовъ; подвинешь на правое, раздастся волшебная музыка. — Всѣ три брата сватаются за своенравную царевну, не хотѣвшую слышать о женихахъ, схвачены и посажены въ тюрьму, гдѣ Петька кормитъ и поитъ узниковъ при помощи скатерти-самобранки и горшка. Царь, прослышавшій объ этихъ диковинкахъ и пожелавшій ихъ пріобрѣсть, принужденъ согласиться на условія Петьки: дозволить ему простоять двѣ ночи у ложа царевны. Въ третій разъ онъ пускаетъ въ ходъ свою чудесную шапочку: надѣлъ её на лѣвое ухо, и раздалась прелестная музыка. Покуда онъ игралъ весело, всѣ пускались плясать, игралъ-ли печально, всѣ принимались плакать, и всё слушали, забывая ѣду и питье и дѣло. Тогда Петька передвинулъ шапочку на правое ухо, и пошла такая польба, будто свѣтъ рушится. Эту диковинку Петька готовъ уступить, если ему позволятъ пролежать одну ночь въ ногахъ царской дочери. Она уступаетъ убѣжденіямъ отца, но ночью не вытерпѣла, чтобы не посмотрѣть однимъ глазкомъ на чудака, отдавшаго ради

одного ея взгляда свои сокровища. Взглянула — и тотчасъ-же полюбила, а на другой день объявила отцу, что пойдетъ замужъ лишь за Петьку.

Норвежская сказка воспроизводитъ весь ходъ словацкой; забыта специфическая черта: разборчивость неприступной царевны; старшіе братья сватаются за неё, а младшаго-бѣдняка они дозволили помѣстить, вмѣстѣ съ другими нищими и оборванцами, на островѣ, гдѣ онъ и пускаетъ въ дѣло свои подарки: ножницы, кроившія въ воздухѣ бархатныя и шолковыя одежды, скатерть-самобранку и кранъ, источавшій, по желанію, разные напитки. — Добивается этихъ диковинокъ сама царевна; условія юноши: проспать одну ночь у дверей царевнина покоя, другую — на скамьѣ возлѣ ея ложа, третью — въ ея постели. Заключеніе тоже, что въ предъидущемъ №: юноша женится на царевнѣ, а братьевъ, державшихъ его въ черномъ тѣлѣ, помѣщаетъ на островъ, куда былъ высланъ самъ.

Въ двухъ послѣднихъ сказкахъ нѣтъ глумленія царевны; тамъ, гдѣ этотъ мотивъ имѣетъ мѣсто, является и отместка.

Отринутый женихъ мститъ, являясь въ чужомъ образѣ: *нищаго, бѣдняка* (норв. датск., слов. ск.), *садовника* (Pentamerone, сиц. ск. у Pitrè, португальск. ск.), *ходебщика* (сиц. сказка у Гонценбахъ), *угольщика* (сіэнская ск.), *пекаря* (ливорнская, болонская ск.), *парикмахера* (лорренская сказка), *пастуха* (нѣм. ск. у Куна), *лакея* (брет. сказка), *юродиваго* (Konr. v. Würzburg) или *шпильмана-гусельника:* такъ въ нѣмецкой сказкѣ у Гриммовъ, соединившей арфу, гусли шпильмана — съ золотыми прялкой, мотовиломъ другихъ разсказовъ, откуда представленіе: о мотовилѣ, колесѣ, издающихъ чудесные звуки; сл. такой-же klobouček словацкаго пересказа. Наша повѣсть представляетъ въ этомъ смыслѣ болѣе простой типъ (гусельникъ прельщаетъ своими гуслями) и ту особенность, не встрѣчавшуюся намъ въ прошедшихъ передъ нами версіяхъ, что сама дѣвушка приходитъ къ неузнанному ею жениху — первоначально, вѣроятно, привлеченная обѣщаніемъ — отдать ей чудесныя гусли,

наводившія плясъ или сонъ — какъ въ словацкой сказкѣ веселье или слезы? Въ повѣсти этотъ естественный, съ точки зрѣнія нашей сказочной группы, мотивъ уступилъ мѣсто другому, болѣе вычурному: дѣвушка несетъ гусли за Васильемъ и такимъ образомъ попадаетъ въ его палаты. Въ началѣ могли разсказывать приблизительно такъ, какъ въ эпизодѣ слѣдующей нѣмецкой сказки (Simrock, Deutsche Märchen, № 14):

Отставной солдатъ заходитъ въ подземный замокъ, предъ которымъ стоялъ на часахъ желѣзный часовой, der eiserne Johann; набивъ свой ранецъ золотомъ и драгоцѣнностями и захвативъ съ собою свѣчу, стоявшую тамъ на столѣ, солдатъ выбирается на Божій свѣтъ (подробности я опускаю) и прибрёлъ въ столицу. Здѣсь онъ останавливается въ лучшей гостинницѣ, окнами на царскій дворецъ, и начинаетъ жить широко, будто у него деньгамъ и конца не будетъ. — А онѣ подходятъ къ концу. Однажды вечеромъ онъ засидѣлся: изъ головы у него не выходила царевна, которую онъ видѣлъ изъ своего окна. Свѣча у него догорѣла и, такъ какъ всѣ улеглись спать и негдѣ было достать другой, онъ вспомнилъ о свѣчѣ, захваченной имъ въ замкѣ. Только что онъ зажёгъ её, какъ желѣзный мужъ сталъ передъ нимъ и спрашиваетъ: Что прикажете, Ваше Величество? — Да развѣ я могу тебѣ приказывать? — Вашему Величеству приказывать, мнѣ исполнять? — Коли такъ, то принеси мнѣ арфу, что виситъ въ первой боковой залѣ замка. — Сказано, сдѣлано. — Ладно, сказалъ солдатъ и, какъ только потушилъ свѣчу, желѣзный мужъ снова очутился на своемъ посту передъ замкомъ. На слѣдующее утро, усѣвшись передъ окномъ, солдатъ принялся за арфу, и она играла всё, что только ему приходило на умъ. Ея звукъ былъ такой серебристый, что услышавъ её царевна пожелала её купить; но солдатъ отвѣтилъ, что она не продажная, а коли царевна захочетъ посѣтить его, онъ подаритъ ей арфу. Царевна не пожелала пойти сама, а послала вмѣсто себя одну изъ своихъ фрейлинъ, обѣщавъ ей, за исполненіе порученія, сто талеровъ въ награду. Солдатъ условился съ хозяиномъ: если

придетъ царевна, то встрѣтить её съ двумя свѣчами, если фрейлина, то съ одной. Фрейлина пробыла у солдата всю ночь и получила отъ него арфу; на вопросъ царевны, какъ она провела время, она отвѣчала, что проспала рядомъ съ солдатомъ такъ-же спокойно, какъ-бы въ своей постели. — На другой день желѣзный мужъ достаетъ солдату вторую арфу, золотымъ звукомъ которой также прельстилась царевна и послала за нею другую фрейлину. Третья арфа звенѣла, точно жемчугъ и алмазы; на этотъ разъ отправляется за нею сама царевна, но съ нѣсколько инымъ результатомъ для своего спокойствія, — въ чемъ она и принуждена открыться отцу. Вслѣдствіе этого солдата схватили и посадили въ тюрьму; послѣдняя услуга «желѣзнаго Ивана» состоитъ въ томъ, что онъ разнесъ и тюрьму и царскій дворецъ, и то и другое возстановляетъ, когда царь согласился повѣнчать свою дочь съ солдатомъ.

Связь этой сказки съ группой разбираемыхъ нами не подлежитъ сомнѣнію; отличія объясняются забвеніемъ нѣкоторыхъ существенныхъ мотивовъ: опущенъ напр. мотивъ отверженнаго сватовства. Иначе слѣдуетъ понять другія отмѣны, на столько-же отдаляющія нашу сказку отъ другихъ версій, на сколько сближающія её съ русской повѣстью: я разумѣю двоякую попытку царевны замѣнить себя другимъ лицомъ. Ту-же черту встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкомъ варьянтѣ у Куна, указывающемъ на новыя точки соприкосновенія съ прототипомъ нашей повѣсти: сынъ нѣмецкаго короля не лично ѣдетъ свататься за французскую королевну, а посылаетъ посла. Скорѣе выйду за свинопаса, чѣмъ за нѣмца, говоритъ она. Тогда царевичъ отправляется самъ, запасшись тремя драгоцѣнными мячами: серебрянымъ, золотымъ и брилліантовымъ и принимается пасти свиней подъ окнами красавицы, играя серебрянымъ мячемъ. На предложеніе царевны продать его, онъ отвѣчаетъ, что отдастъ его, если она согласится раздѣлить съ нимъ ложе. Но она посылаетъ вмѣсто себя фрейлину, а на другой день другую — какъ въ предъидущемъ разсказѣ. Царевичъ замѣтилъ обманъ и объявляетъ, что третій

мячъ отдастъ лишь когда къ нему придетъ сама царевна. Фрейлины говорятъ ей, что опасности ей не предстоитъ никакой, спать съ пастухомъ то-же, что рядомъ съ колодой. Тогда она является къ нему, но ошибшись въ разсчетѣ, принуждена бѣжать отъ стыда вмѣстѣ съ пришельцемъ, въ которомъ узнаетъ отвергнутаго царевича лишь послѣ цѣлаго ряда лишеній и страданій.

Въ сказкахъ о *«разборчивой невѣстѣ»* мы не встрѣтили до сихъ поръ участія — дядьки, помощника жениха, въ родѣ гостя Василія нашей повѣсти или Котомы-Ивана сказокъ о *«хитрой дѣвѣ»*, который помогаетъ царевичу въ сватовствѣ и подъ конецъ расправляется съ строптивой: «Иванъ Голой ухватилъ царевну за косы и до тѣхъ поръ волочилъ её по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всемъ мужа (Аѳан. № 116 c.). — Этого сказочнаго дядьку мы встрѣчаемъ въ Clarus-saga, пересказанной на старосѣверный языкъ въ началѣ XIV вѣка (1322—39) епископомъ Ión Haldórsson'омъ съ какого-то латинскаго «rithmos», съ которымъ онъ познакомился во Франціи. Содержаніе саги слѣдующее: у Тибурція, императора Саксланда, т. е. нѣмецкаго, сынъ Clarus, прозванный такъ за свою красоту (þvíat Clarus þýðiz upp á vort mál «bjartr»), а при красотѣ и силѣ онъ обладалъ и особой мудростью (med frábaeri vizku). Отецъ далъ ему въ учителя извѣстнаго Пера (Perus), родомъ изъ Аравіи, мудрѣйшаго всѣхъ смертныхъ, о знаніи и хитростяхъ котораго говорится во многихъ книгахъ, ходитъ множество разсказовъ (af hverjum vída er lesit í bókum ok mörg aefintýr víð snertr af sínum listum ok klókskap). Отъ него царевичъ узнаетъ о Серенѣ, дочери франкскаго короля Александра: красивѣе и мудрѣе ея не найти; съ шестидесятью дѣвицами изъ именитѣйшихъ родовъ, охраняемая тысячью рыцарями, она пребываетъ въ башнѣ, куда дозволенъ доступъ лишь ея отцу и его служителямъ; такова ея мудрость, что тебя съ твоимъ знаніемъ она считаетъ «деревенщиной», говоритъ Perus и, когда царевичъ обнаруживаетъ желаніе посвататься за нее, прибавляетъ, что многихъ именитыхъ жениховъ она провела своею хитростью —

и отказывается съ нимъ ѣхать. Clarus отправляется на корабляхъ, богато снаряженныхъ, и любезно принятъ Александромъ; Серена, заинтересованная гостемъ, посылаетъ свою фрейлину Теклу посмотрѣть на него, а за тѣмъ велитъ пригласить его къ себѣ. Царевичъ пораженъ великолѣпіемъ, которое онъ видитъ въ башнѣ; «во полу-столѣ» (sem ölit gengr um) онъ рѣшается объявить Серенѣ о цѣли своего прибытія. Та выслушала его милостиво и предлагаетъ ему раздѣлить съ нею яйцо въ смятку, такъ чтобы каждый съѣлъ половину; но въ то время, какъ Clarus принималъ яйцо изъ ея рукъ, она тихонько нажала его, такъ что его содержимое пролилось на одежду царевича. Тогда, обратившись внезапно изъ Serena'ы въ Severa'у, она принимается стыдить его, бранитъ неряхой и деревенщиной и велитъ съ позоромъ выгнать отъ себя.

Опозоренный онъ возвращается во свояси и проситъ отца и Perus'а помочь ему «отмстить» свой стыдъ. Perus соглашается лишь подъ условіемъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ ему предоставлена будетъ царская власть. Ею онъ пользуется, чтобы при помощи лучшихъ мастеровъ Саксоніи создать три диковинки, три драгоцѣнныхъ шатра: передъ однимъ ходитъ на привязи и движетъ его золотой медвѣдь; передъ другимъ такой-же золотой левъ; надъ третьимъ летаетъ литой изъ золота ястребъ. Черезъ три года Perus и Clarus съ товарищами снова ѣдутъ свататься; царевичъ неузнаваемъ, Perus натеръ его какимъ-то порошкомъ, отчего онъ сталъ похожъ на людей, живущихъ вдали отъ общества и лучей солнца; онъ назовется Эскельвардомъ, сыномъ царя Bláland'а (Эѳіопіи), пріѣхавшимъ свататься за Серену. Однажды утромъ царевна, выглянувъ въ окно, увидѣла богатый раскинутый шатеръ и передъ нимъ чуднаго медвѣдя; ей хочется пріобрѣсть эту диковинку, и она посылаетъ Теклу разузнать о пріѣзжемъ и пригласить его къ столу. Она проситъ царевича уступить ей шатеръ; но тотъ отвѣчаетъ, что онъ не продажный, ему цѣна — любовь Серены. Разсчитывая на свою хитрость, она соглашается принять царевича вечеромъ.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, ей и Clarus'у подаютъ кубокъ, изъ котораго оба пьютъ; кубокъ о двухъ днахъ, напитокъ, что былъ сверху, достался Серенѣ, а нижній былъ сонный, «забыдущій»; какъ отвѣдалъ его Clarus, такъ и свалился. Серена велитъ его высѣчь и выбросить изъ башни; когда на другое утро онъ проснулся, шатеръ былъ уже взятъ людьми царевны.

Въ другой разъ повторилась та-же продѣлка: Clarus поддался на уловку Серены, завладѣвшей тѣмъ-же путемъ и второй диковинкой.

Остался еще третій шатеръ съ золотымъ ястребомъ, и царевна снова посылаетъ къ Clarus'у, съ извиненіями за прошлое и просьбой явиться. Между тѣмъ Perus устроилъ въ шатрѣ порогъ, «einn *limitem*, þat köllum ver þresköld», на которомъ что-то начерталъ: когда посланная царевной Текла переступитъ черезъ него, будетъ тебѣ предана, говоритъ онъ царевичу; ты-же надѣнь ей на палецъ этотъ перстень и, подержавъ руку, пока не нагрѣется въ твоей, попроси её послужить тебѣ вѣрой и правдой и открыть, почему ты одинъ засыпаешь непробуднымъ сномъ, отвѣдавъ однаго напитка съ Сереной. — Текла открываетъ тайное устройство кубка и обѣщаетъ наполнить его, вмѣсто забыдущаго зелья, какимъ-нибудь другимъ, менѣе дѣйствительнымъ, того-же цвѣта.

Когда Clarus пришелъ къ Серенѣ по третьему зову, онъ также заснулъ и подвергся истязаніямъ; но сонъ длился недолго, такъ что, добравшись до ложа царевны, онъ могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Серена забыла о шатрѣ, Clarus посѣщаетъ её въ теченіи двухъ недѣль, послѣ чего проситъ у отца согласія на бракъ. Всё готово къ отъѣзду молодыхъ, приданое убрано на корабли, остался лишь шатеръ, въ которомъ должны были провести послѣднюю ночь Clarus и Серена. Проснувшись утромъ, Серена видитъ себя въ лачугѣ, о-бокъ съ какимъ-то страшилищемъ (dólgr), который называетъ себя ея мужемъ, обращается съ ней грубо, заставляетъ её голодать и странствовать съ собою, а хлѣбъ себѣ зарабатываетъ игрой на флейтѣ,

skáldpípa, на какой играютъ прохожіе люди (fantar), и смѣхотворными прибаутками (talar sem einn dári á allar lundir). Это былъ — Perus, взявшійся усмирить строптивую, которая всё терпѣливо переноситъ отъ мнимаго мужа и, по окончаніи испытанія, соединяется съ настоящимъ. Все это она претерпѣла въ отместку за свое глумленіе (í hefnd móti þeim dáraskap, sem hon hafdi áðr leikit keisara syni).

Испытанія, претерпѣваемыя царевной, тѣ-же, какія сохранились въ современныхъ западныхъ сказкахъ; если я не останавливался на этой ихъ подробности, то потому лишь, что имѣлъ въ виду освѣтить источники нашей Повѣсти, въ которой она, по ходу разсказа, оказалась не нужной и замѣнена болѣе грубой расправой.

Сходство сѣверной саги съ сказками о «разборчивой невѣстѣ» ясно и не требуетъ особаго разъясненія. Edzardi указывалъ на сходные мотивы въ эпосѣ нѣмецкихъ шпильмановъ: дѣло касается чудесныхъ подѣлокъ Perus'а. Я не сомнѣваюсь, что онѣ находились уже во франко-латинскомъ оригиналѣ саги; ему-же принадлежало и имя Perus'а, о мудрости котораго ходили многіе разсказы. Въ Исландскихъ повѣстяхъ, недавно изданныхъ Герингомъ, помѣщены три разсказа о чародѣйскихъ продѣлкахъ Perus'а, носящаго какъ, и въ сагѣ, названіе meistari [1]). Тамъ и здѣсь разумѣется, вѣроятно, знаменитый Pietro d'Abano (род. 1250 г.), котораго легенда издавна окружила ореоломъ мага и кудесника [2]). Знакомое имя могло подставиться вмѣсто неизвѣстнаго, отвѣчавшему Василію нашей повѣсти, Котомѣ-Ивану русскихъ сказокъ о «*хитрой дѣвѣ*». Какъ Иванъ достаетъ диковинки, потребныя для сватовства, и расправляется съ гордой

---

[1]) Islenzk aeventyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen, hrsg. von Hugo Gering. 1er B. Text, p. 217 слѣд.: Af meistara Pero ok hans leikum.

[2]) Сл. м. проч. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, t. V (Modena, MDCCLXXV), p. 152 слѣд.

царевной, такъ и Perus; какъ Perus, такъ и Василій указываютъ невѣсту, тамъ и здѣсь сватовство отсовѣтывается. — Замѣтимъ, по пути, совпаденіе мотивовъ саги съ словацкой сказкой и соотвѣтствующей ей норвежской: диковинки, достающіяся юношѣ, заставляютъ сочувствовать ему всякаго, кто на него ни посмотритъ; Текла, едва переступивъ черезъ порогъ шатра и надѣвъ перстень Clarus'а, не можетъ не быть ему преданной. — Василій и Полиместра, Clarus и Serena — прекрасны и мудры; и въ повѣсти и въ сагѣ говорится, что дѣвушка мудрѣе жениха. Какъ Василій «златовласый» — «прекрасенъ зѣло», такъ и имя Clarus'а дано по его красотѣ. Интересно, наконецъ, совпаденіе локализаціи: отецъ Василія царитъ въ Прагѣ, но въ началѣ повѣсти говорится о *«нѣмецкихъ режихъ»* (regio? Reich? чешск. říše?); Тибурцій — царь Саксланда, т. е. *нѣмецкій;* и Василій и Clarus сватаются за дочь *французскаго* или *франкскаго* короля. Такъ и въ сказкѣ у Kuhn'а. Этимъ совпаденіямъ нельзя давать особой цѣны: въ сказкахъ являются и другія географическія пріуроченія; весь интересъ нашей повѣсти не въ этомъ, а въ богатствѣ сказочныхъ мотивовъ, или лучше, въ цѣльности сказочнаго типа. Это — сказка, только литературно перелицованная.

VI.

ИЗЪ МѢСТНЫХЪ ПРЕДАНІЙ: АНТЫ И ЧУДЬ.

Этимологія слова entrisch не разъ занимала нѣмецкихъ изслѣдователей, отъ Граффа и Я. Гримма до Лексера [1]): *староверхненѣм.* antisc, antrisc, entrisc = autiquus, priscus; *англосакс.* entisk = giganteus, отъ ent = gigas; *средневерхненѣм.* entrisch въ текстѣ XII вѣка, приводимомъ далѣе, гдѣ Гриммъ (D. Wb.

[1]) Lexer, Mittelhochd. Haudwörterbuch, a. v. entrisch.

a. v. enterisch) и Лексеръ даютъ лишь значеніе: alt, alterthümlich, ehemalig, но въ Ackermann aus Böhmen: ungeheuer, grausig: «die starkwaltigen leben in entrischen wustungen» [1]). — Въ современныхъ нѣмецкихъ говорахъ: entrisch, enterisch, enterscb, enzisch, enzianisch и т. д. встрѣчаются съ значеніемъ чего-то необычнаго (потому что древняго?), страннаго, чрезвычайнаго, сверхъестественнаго, таинственнаго, что̀ выразилось и въ значеніи усилительныхъ префиксовъ ent, end, enz и т. д. (сл. entschön, entberg и древнія Enzawîp, Enzewîp и т. п.), и въ рядѣ мѣстныхъ названій: «ad viam giganteam, Entiskenweg», der Enterisch Weg; Entrischer Brunn; Enzinsperig и др. — Объясненій этой группѣ словъ предложено было нѣсколько: указывали на староверхненѣм. andar = alter, при чемъ andarisk могло бы развиться отъ значенія «не свой», barbarus, къ болѣе общимъ и отвлеченнымъ; на староверхненѣм. anado, ando, anto, средневерхненѣм. ande = animus, zelus; на лат. antiquus, старофранц. antif. Съ другой стороны англосакс. ent = gigas повело Я. Гримма къ предположенію, что за этимъ словомъ и родственными ему скрываются древніе Анты, обобщенные въ народныхъ повѣрьяхъ, какъ то случилось съ другими отжившими, когда-то славными народами: Гуннами у Нѣмцевъ, Обрами, Чудью, Спалами у Славянъ, Эллинами у современныхъ Грековъ. Анты явились исполинами, имъ стали приписывать загадочныя древнія сооруженія (Entiskenweg, entisca geweorc); какъ у насъ курганы нерѣдко носятъ этническія прозвища, такъ въ слѣдующихъ далѣе преданіяхъ является какое-то «антское» пещерное племя.

Первое преданіе записано въ Тиролѣ [2]). Если пойти изъ Пре-

---

[1]) Lexer l. c. Nachträge, a. v. entrisch. Сл. Der Ackermann aus Böhmen, hrsg. von Joh. Knieschek, p. 13 и цитату у Schmeller'a, Bair. Wb., a. v. enderisch: «wie die starckwaltigen lewen in entrischer Wüstung». Изъ какого текста?

[2]) Сл. мою замѣтку: Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. ноябрь, стр. 83. Передаю преданіе съ нѣсколько бо̀льшими подробностями.

граттена (Pregratten, слав. Преграда) въ Виндталь (Windthal = долина Виндовъ?), то на раздѣлѣ водъ и племенъ, байварскаго и славянскаго, встрѣтишь такъ называемую *антскую берлогу* (das antische Loch), о которой разсказываютъ слѣдующее: въ старые годы жили въ Виндталѣ, въ этой берлогѣ, какіе-то люди, рѣдко или никогда не показывавшіеся въ долинѣ. Только однажды пришла оттуда дѣвушка-красавица и нанялась въ услуженіе въ Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своемъ родѣ-племени; говорила только, что въ Преттау ей быть не долго, потому что когда появится тамъ вооруженный всадникъ на бѣломъ конѣ, ей снова надо будетъ вернуться въ свою берлогу. Такъ разсказывая, она плакала; и, дѣйствительно, какъ скоро появился всадникъ, дѣвушка исчезла. — Изъ берлоги и теперь еще слышится дѣтскій плачъ, а на камняхъ кругомъ видѣли нерѣдко пелёнки, сушившіяся на солнцѣ. Въ пескѣ у берлоги находили крошечные свѣтло-желтые камешки, величиной съ горошину и менѣе; имъ приписываютъ цѣлебныя свойства: вытягивать изъ глазъ осколки дерева и соръ, туда попавшій. Говорятъ, что это окаменѣвшія слезы Антскихъ людей.

Въ XII вѣкѣ сходная легенда объ антской берлогѣ и антскихъ людяхъ извѣстна было въ Хорутаніи, гдѣ его могъ слышать авторъ стихотворной притчи «о бракѣ» [1]). Въ славномъ мірѣ (meregarte) стоитъ высокая гора, на которую съ давнихъ поръ переселился господинъ съ своимъ народомъ. Нѣкоторые изъ его служителей (chnehte) провинились передъ нимъ и за то понесли наказаніе: подъ той горой была юдоль печали, глубокая пещера,

---

[1]) Изд. Karajan'омъ въ Deutsche Sprachdenkmale des XII Jh. Wien, 1846. Хорутанское происхожденіе этого стихотворенія доказывалъ Scherer (Geistliche Poeten der deutschen Kaiserzeit, II Heft: Drei Sammlungen geistlicher Gedichte. Strassburg, Trübner, 1875, стр. 14—19; его-же: Geschichte der deutschen Dichtung и т. д., стр. 51—53), противъ котораго писалъ Vogt, Ueber Genesis und Exodus, въ Paul und Braune's Beiträgen zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, II, II, стр. 267.

оставленная антскими людьми и наполненная змѣями. Туда-то заключилъ господинъ своихъ невѣрныхъ людей.

Do was undir dem gebirge
ein uil michil sorge:
ein tieffir charchaere,
der stuont alle wile laere,
Des habeten entrische lovte vergezzen,
Der was mit wrmen besezzen.
Dar undir swief der herre
Sine ungetriwe chnehte uerre

(Karajan, l. c., стр. 23).

Могучій царь, пребывающій на горѣ — Господь, невѣрные слуги — отпавшіе ангелы, низверженные въ преисподнюю, поясняетъ авторъ притчи (l. c., стр. 42). Какъ небо представлено горою, такъ преисподняя выражена образомъ пещеры, забытой антскими людьми. Что она населена змѣями — можетъ относиться къ духовному толкованію притчи и къ обычной символикѣ ада, не къ антской берлогѣ, хотя представленіе о послѣдней естественно вело къ образамъ ада, преисподней. Въ Enzi-loch, антской берлогѣ у подошвы высокаго Enzen'а, закляты всякіе преступники, притѣснители, обманщики, злые духи. По ночамъ слышны ихъ голоса, будто громъ или пушечные выстрѣлы; они собираютъ тучи, стрѣляютъ молніей, втаскиваютъ на вершину каменныя глыбы, которыя, обрываясь, съ грохотомъ скатываются въ пропасть; либо, сидя въ полукругѣ у своей пещеры на пурпурныхъ креслахъ, держатъ совѣтъ, а отъ нихъ тянется сѣрый, непроглядный туманъ, застилающій всю окрестность[1]).

Въ параллель къ разсказамъ объ антскихъ пещерныхъ людяхъ приведемъ такія-же легенды о Чуди, распространенныя на сѣверѣ Россіи и въ Сибири[2]).

---

[1]) Otto Henne-Am Rhyn, Die deutsche Volkssage, стр. 266.

[2]) Слѣдующими библіографическими указаніями я главнымъ образомъ обязанъ г. Потанину: Извѣстія Имп. Общ. любит. естествознанія,

Чудь жила давно, а какъ давно, старики не помнятъ, разсказываютъ въ пріуральскомъ краѣ. Чудаки были роста небольшаго, немного болѣе двухъ аршинъ, а бороды имѣли длинныя; жили они въ землянкахъ, а крыши поддерживались деревянными столбами. Чудаки слыли за народъ именитый, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, имѣли разнаго рода дорогія вещи, золотыя и серебряныя. Когда они узнали, что пришелъ какой-то новый народъ, чудаки начали таскать на крыши землю, потомъ сами забрались въ землянки и подрубили столбы: такъ они и похоронили себя. Но другіе оставили свои богатства и сами куда-то бѣжали. — Нашъ начальный лѣтописецъ, передавая со словъ Гюри Тороговича о торговлѣ русскихъ съ уральской Югрою, заставляетъ послѣднихъ такъ разсказывать о какомъ-то невѣдомомъ народѣ въ ущельяхъ горъ: «дивьно мы находихомъ чюдо, его же нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ, се же третьее лѣто поча быти: суть горы заидуче въ луку моря, имже высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь-ли, ли секиру, и они дають скорòю противу». — Очевиденъ реальный фактъ мѣновой, нѣмой торговли, лежащій въ основѣ этого разсказа, который у лѣтописца примѣненъ къ легендѣ о поганыхъ народахъ, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ

антроп. и этнограф. т. XXXV, ч. I, вып. 1—3 (Москва, 1880), стр. 170 (Нефедовъ, о курганахъ *пріуральскаго края*); сл. ibid. т. XIII, вып. 1, стр. 6 (К. Поповъ, *Зыряне и зырянскій край*). — Записки Русск. Географ. Общ. по отд. этногр. т. VII, стр. 34 (замѣтка Л. Н. Майкова) и 6; Иванова, Матеріалы къ Антропологіи Пермскаго края (Труды Общ. естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив. т. X, вып. 1), стр. 6, 12—13 (*пермскія преданія*). — Castren, Vorlesungen über die finnische Mythologie p. 189 и Kleinere Schriften, стр. 103 (*самоѣды*); Ефименко, Заволоцкая Чудь, стр. 42.

Македонскимъ, а Лопарями примѣняется — къ Чуди, будто-бы запертой въ щельѣ, гдѣ она шумитъ и кличетъ.

«Югра.... сосѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ», — и Самоѣды Архангельскіе и енисейскіе (Юраки) также знаютъ о древнемъ народѣ Чуди, который называютъ «сиртье» (Siirtje): они, будто-бы, жили частью въ пещерахъ, частью въ вырытыхъ ямахъ, куда прятали свои богатства, нерѣдко терпя нападенія отъ Самоѣдовъ и русскихъ. Чтобы положить конецъ этимъ обидамъ, русскій царь велѣлъ устроить поединокъ: чей представитель скорѣе срубитъ дерево, того племя и должно владѣть землей. Выбрали два дерева: русскій тѣмъ перехитрилъ противника, что рубилъ подъ вершиной дерева, а Чудинъ рубилъ у комля. Послѣ того Чудь ушла подъ землю, гдѣ и живетъ богато: у ней много золота, серебра и драгоцѣнностей, бобровъ и лисицъ; вмѣсто оленей у нихъ стада мамонтовъ. Говорятъ, они невидимо показываются на поверхности земли; на Калгуевѣ, гдѣ нѣтъ ни одной юрты, часто слышенъ лай ихъ собакъ и людской говоръ — какъ по поморскимъ разсказамъ и на Новой Землѣ обитаетъ невидимо краснокожая Чудь.

Роль дерева въ Самоѣдскихъ разсказахъ о Чуди напоминаетъ Сибирское повѣрье, сообщенное мнѣ г. Потанинымъ: будто въ Сибири *бѣлой* березы прежде не было, а когда она появилась, Чудь испугалась, потому что было предсказано, что когда она появится, придетъ *бѣлый* царь и заберетъ землю. Чудь вырыла ямы въ землѣ, построила балаганы на четырехъ столбахъ, прикрыла ихъ землею, подрубила столбы и засыпалась. Стало-быть также, какъ въ уральскихъ повѣрьяхъ, тогда какъ въ Вологодской губерніи «бѣлоглазая Чудь», или просто «поганый народъ» погибаетъ въ своихъ землянкахъ, когда русскіе обрушили на нихъ крыши. Въ пермскомъ краѣ разсказываютъ: у Чуди были вещи все изъ серебра и золота, но когда пришли русскіе, Чудь испугалась всего бѣлаго (сл. бѣлую березу, бѣлаго царя сибирской легенды), сдѣлала ходы въ горахъ, снесла туда все добро и зарылась. Не легко докапаться до кладовъ: Чудь стережетъ

свои богатства: въ Иванову ночь вся Буркова гора, гдѣ по преданію было большое чудское населеніе и встрѣчаются археологическія находки, страшно колышется и ходенемъ ходитъ. «Чудскія мѣста» пользуются до сихъ поръ особымъ суевѣрнымъ почетомъ: въ семикъ, когда взрослые ходятъ поминать на кладбище своихъ родителей, подростки отправляются на чудскія мѣста съ брагой и пищей, говоря: Вотъ, Чудь, мы принесли тебѣ браги и хлѣба, пришли пировать съ тобой; или: Помяни Господи чудскаго дѣдушку и чудскую бабушку! — Иначе разсказываютъ объ исчезновеніи Чуди въ Оханскомъ уѣздѣ, близь большаго села Сивы, расположеннаго на мѣстѣ чудскаго городища, съ обиліемъ чудскихъ находокъ: къ западу отъ Сивы, въ лѣсной, болотистой лощинѣ произошла битва между туземцами и Русью; Чудь не пускала нашихъ, которые всю её перебили, а мѣсто назвали «Побоище», какъ и теперь еще зовется небольшая деревушка. Упомянемъ въ этой связи, что по пермскимъ преданіямъ Чудь была — богатыри.

Пещерныя, курганныя, озерныя находки и постройки, возбуждающія теперь единичное любопытство археолога, давно тому назадъ возбуждали дѣятельность народной фантазіи, ставя ей вопросы: откуда всё это взялось, куда дѣлся народъ, оставившійся по себѣ столь загадочные слѣды? Онъ, очевидно, удалился передъ пришествіемъ новыхъ людей, ушелъ въ щели и пещеры, либо заключенъ туда роковой силой; здѣсь Чудь, тамъ какіе-то «антскіе люди», смотря по этнографической памяти; завалился землей либо потопленъ: легенды о затонувшихъ городахъ и селеніяхъ — такая-же народная интерпретація свайныхъ построекъ, какъ легенды, подобныя приведеннымъ, находокъ пещерныхъ и курганныхъ.

VII.

МОЛИТВА СВ. СИСИНІЯ И ЕВАНГЕЛИСТАЯ ПѢСНЬ.

Нѣсколько новыхъ матерьяловъ.

Тотъ и другой памятникъ были разсмотрѣны мною, по поводу извѣстнаго труда проф. Hăsdeй, въ моихъ Разысканіяхъ, вып. IV, стр. 40—53, 220—3, 427—30 (Сисиній); стр. 78—82 и 432—3 (Евангелистая пѣсня). Въ виду ихъ особаго интереса по отношенію къ славянской письменности и народной поэзіи позволю себѣ указать здѣсь еще на нѣсколько относящихся къ нимъ новыхъ данныхъ, часть которыхъ появилась въ печати уже послѣ изданія моего труда.

I.

Въ немъ (стр. 51—53) я уже могъ воспользоваться нѣкоторыми указаніями д-ра Гастера, недавно вернувшагося къ вопросамъ, меня занимавшимъ, въ своей интересной работѣ: о народной литературѣ Румынъ (Literatura populara romănă. Bucuresci 1883). Здѣсь стр. 393—400 и 406 слѣд. посвящены легендѣ и молитвѣ св. Сисинія-Сисоя; на стр. 394—5 сообщается въ извлеченіи пересказъ молитвы, безъ имени Сисоя, хотя въ текстѣ, близкомъ къ помѣщаемому въ Minunile sfîntuluĭ Sisoe (сл. у меня стр. 48); дѣйствующія лица: арханг. Михаилъ, сходящій съ Елеона, и Авѣщица, у которой 19 именъ.—Слѣдуетъ стр. 396—7 отрывокъ, полный пропусковъ, какого-то заговора, несомнѣнно принадлежащаго къ нашему циклу, въ которомъ упоминаются дѣвы, мучащія христіанскій людъ: не дочери-ли Ирода, спрашиваетъ себя издатель? Но онѣ встрѣтились пока.

лишь въ русскихъ заговорахъ, отождествившихъ демона или демоновъ Сисиніевскаго заклинанія съ плясуньей-плясавицей Иродіадой или Иродовыми дочерьми (сл. у меня, р. 221—2, 429—30). Я предположилъ [1]), что память о пляшущей Иродіадѣ могла отразиться въ русскомъ суевѣріи и по другому поводу: въ неистовой пляскѣ въ ночь на св. Ивана, описанной игуменомъ Памфиломъ, въ Стоглавѣ и Синопсисѣ и Повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ; что праздникъ рожденія Предтечи (24 Іюня) могъ обставиться цѣлой группой воспоминаній, захватывавшихъ въ свою область и *крещеніе* имъ Спасителя (Ивана *Купалы*) и его усѣкновеніе: *Иродіада*. Интересно подобное же сплоченіе воспоминаній въ повѣрьяхъ неаполитанской области: на Иванову ночь крестьяне ставятъ на дворѣ ведро съ водой, въ отраженіи которой видятъ проносящихся мимо Иродіаду и ея мать, упрекающихъ другъ друга въ смерти Іоанна Крестителя [2]).

Легенду о св. Сисиніи и его сестрѣ Мелентіи г. Гастеръ (р. 397 слѣд.) передаетъ согласно съ текстами, впервые напечатанными г. Hăsdeŭ (у меня стр. 44 слѣд.). Сличеніе съ греческими оригиналами (у меня стр. 89—96) указываетъ на имя Сисинія, какъ на древнѣйшее, лишь впослѣдствіи замѣненное Сисоемъ. Въ одномъ румынскомъ Отечникѣ или скитскомъ Патерикѣ г. Гастеръ (р. 399) нашелъ разсказъ объ ученикѣ Сисоя, Аполлосѣ, намѣревавшемся тайно покинуть своего учителя: демонъ, страшнаго вида, обращающійся потомъ въ женщину, является ему на пути и исчезаетъ лишь когда Аполлосъ помолился Господу, прося его помощи «ради молитвъ отца моего Сисоя». Я не думаю, чтобы именно это общее мѣсто скитской легенды дало поводъ замѣнить Сисинія, также гонящаго злую силу, Сисоемъ. Болѣе могло подѣйствовать созвучіе именъ.

---

[1]) Новые журналы по народной словесности и миѳологіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIII, отд. 2, стр. 220—1.

[2]) Pitrè, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 2, стр. 327 (изъ Giornale Napoletano della Domenica, an. I, № 5).

Отношеніе молитвы св. Сисинія, нерѣдко служащей въ Румыніи амулетомъ (Gaster, 406—7), къ легендѣ Гастеръ (393—4) понимаетъ такимъ образомъ, что въ сущности это — двѣ самостоятельныхъ статьи, изъ которыхъ первая, т. е. молитва, повліяла на вторую. Я считаю болѣе вѣроятнымъ обратное развитіе и молитву какъ-бы сокращеніемъ легенды, удержавшимъ ея рамку и сосредоточившимъ вниманіе на ея развязкѣ и на именахъ демона (см. стр. 47). Имена эти въ греческомъ и въ славяно-румынскихъ пересказахъ[1]) разнообразны, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше уходятъ въ тотъ или другой народный обиходъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Третье имя греческой легенды Βυζοῦ = рум. Авизоя и т. д. сближали съ Ὀβιζοῦθ въ Testamentum Solomonis (сл. у меня стр. 51); ближе Ἀβυζοῦ трапезунтскаго глоссарія у Іоаннида, который толкуетъ это слово изъ ἄβυσσος и объясняетъ: *καταχθόνιον πνεῦμα, μάγισσα*. — Μωρά или Μωρρᾶ греческаго текста, Мора у попа Симеона = црквносл. мора — maga, новогреч. *μώρα* — кошмаръ и т. д., рум. moróiu = lutin, vampire (Cihac, Dict., Élem. slaves etc., a. v.). Въ румынскомъ заклинаніи (Gaster, 409—11), сложенномъ по типу Сисиніевой молитвы, являются мужскіе и женскія моры: Богородица сидитъ на золотой скамьѣ, подъ золотой яблоней, и видитъ цѣлый рядъ чудищъ, идущихъ къ такому-то, чтобы высосать у него кровь, вложить вмѣсто души гнилушку; въ ихъ числѣ:

Moroĭ cu moroaie,
Strigoĭ cu strigoaie.

Стригла является послѣднимъ демоническимъ полу-именемъ греческой легенды о Сисиніи. — Вмѣсто Моръ называются въ румынскихъ заклинаніяхъ и другія олицетворенныя болѣсти, напр. *Beșică* (Gaster, 417); сл. малорусск. бешыху (= рожа) и закли-

[1]) Малорусскій заговоръ отъ лихорадки, сисиніевскаго типа (Пафнутій = Сисиній), см. еще у Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и разсказы, стр. 26.

наніе: «бехъ — Иродовъ сынъ, а одынадцать бешыхъ — дочки Иродовы» (у меня стр. 429). — Въ *вѣщицѣ-авѣщицѣ* румыно-славянскихъ текстовъ мы узнали сербскую и русскую вѣщицу-вѣдьму (стр. 222—3, прим.). Сл. о ней-же Потанина, Очерки IV, стр. 673 и Мозель, Пермская губернія, стр. 542: «вѣщица — вѣдьма; она въ трубу вылетаетъ, у спящей женщины распарываетъ брюхо, вынимаетъ младенца и съѣдаетъ; летаетъ сорокой». — Ψυχοανασπάστρια'ю греческаго заклятія (сл. у меня стр. 223, прим.) и *Пладницу* попа Симеона мы найдемъ въ молитвахъ отъ трясавицъ синайскаго глаголическаго евхологія X вѣка, недавно изданнаго Гейтлеромъ[1]). Не относясь къ типу Сисиніевскихъ и отличаясь, такъ сказать, каноническимъ характеромъ, эти молитвы тѣмъ не менѣе интересны для исторіи суевѣрія. Первая, общая, «на҃ трѧсѫщимь сѧ трѧсавицеѭ» молитъ — изгнать «трѧсавицѧ сиѩ отъ раба твоего сего, сѫщѧѩ подъбнѫ бѣсоу, емлѭщѧѩ на врѣмена, ѣко и бѣсъ, грабѧщѧ водѫ, трѧсѫщѧѩ виѣлицеѭ, вь тѣлеси его, мразѧщѧѩ плъть его, трѧсѫщѧѩ в'сѣми оудъми его, творѧщѧ клъчетъ зѫбы его, *притѫжаѭщи дѣ҃ти его* (ψυχοανασπάστρια?) въ болѣзни сеи, в'сѣхъ часъ, въ таиноемьнъıхъ, в'сѣхъ же годинъ ı в'сѣхъ врѣменъ, възбрани еи в'сѣхъ пѫтеи въходънъıхъ, затвори еи вс'ѧ пѫти въходънъıѩ, прѣсѫчи еи істочьникъ, отъ него-же исходитъ, възбрани еи в'сего възиманиѣ, отъ негоже възимаетъ силѫ, і въсели вь нь сдравие».

Слѣдуютъ за тѣмъ заговоры противъ отдѣльныхъ трясавицъ, при чемъ эпическій элементъ заключается иногда въ краткихъ пересказахъ того или другаго событія изъ страданій Христа, съ чисто внѣшнимъ отношеніемъ къ элементу заклинанія.

Первой идетъ «*Мо҃ на҃ всѣ трѧсо҃ трѧсавицеѩ*». Inc.: «Запрѣщаетъ ти іменемь г҃немь, *трѧсавице послѣдьнѣ ѩзе, оу корена*

[1]) Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, izdao Dr Lavoslav Geitler. U Zagrebu 1882, стр. 81 слѣд.

сѫщи, слабѣишиѣ в҆сѣхъ ꙗзъ, не ты ли сама и *в҆сѧ твоꙗ* боите сѧ в҆сѣхъ мѫдростеи земънꙑхъ мѫдрꙑхъ і крѣпостеи крѣпъкꙑхъ..., емлетъ же.... хоудооумꙑꙗ і хоудосилънꙑꙗ, тѣмъ пакости творите *на врѣмена мѣсѧчьнаа*, ходите скозѣ нѧ, яко скозѣ чьто дроугое макъко і скозѣ творѧщаꙗ волѧ ваша». Заклинаніе кончается обращеніемъ къ трясавицѣ: удались отъ раба Божія «і не имѣи памѧти на немь, не въспомѧни его, не бѫди по семь имени твоего вь немь, ни тебѣ самоꙗ вь немь, *ни твоихъ*».

Второй заговоръ: *Мо҃ на҃ трѧмо҃ вече҃.*

Третій: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ въ но҃.* Inc. «Запрѣщаетъ ти г҃ь і изгонитъ тѧ, трѧсавице, крадѫщиѣ отаи силѫ его, тъмоѭ задѣꙗѭщи сѧ ѣко и тать»; далѣе къ ней обращаются: «оукорен(ен)аа ꙗзе»; пусть выйдетъ изъ раба сего, покаяніе котораго принялъ Господь, какъ и покаяніе Петрово. Эпическій элементъ заговора обнимаетъ: предательство Іюды, Христа у Каяфы, отреченіе и — покаяніе Петра.

Четвертый заговоръ: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ за оутра.* Inc. «Изгонитъ тѧ г҃ь, трѧсавице ютрьнѣѣ, послѣдьнѣѣ ꙗзе».

Пятый: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ въ е҃ часъ.*

Шестой: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ пладьне.* Заклинается трясавица *«полоуден҆наа»* (= Пладница Симеона) именемъ Господа, распятаго на Крестѣ: какъ разбойникъ убоялся его, сотникъ и всѣ съ нимъ сущіе ужаснулись, такъ и ты, «трѧсавице, паче в҆сѣхъ оубои сѧ г҃а і възтрепещи і избѣгни ісего раба г҃нѣ».

Соотношенія заклинанія къ эпическому элементу формулы достаточно выясняются изъ нашихъ указаній къ №№ 3 и 6. Я нарочно выбралъ эти примѣры въ виду подобныхъ же сочетаній, представляемыхъ слѣдующимъ русскимъ заговоромъ [1]): «Во святую Великую Пятницу, егда распяли Жидове Господа нашего Іисуса Христа, онъ-же, на крестѣ вися, дрожалъ,

---

[1]) Л. Майковъ, Великорусскія Заклинанія, № 108.

Жидове же, окрестъ стоя, смѣяхуся и глаголюще: «О чемъ, Іисусъ, дрожишь?» Іисусъ же: Азъ, рече, въ себѣ не дрожу немощи ради студенья, но страсти ради великія». И паки Іисусъ самъ о себѣ моляшеся, ко Отцу рече: «Отче, молю ти ся, даси всѣмъ, страсть мою поминающимъ, молитву сію носящи(мъ) при собѣ отъ всѣхъ трясавицъ избавлени(е). Іисусъ рече: «Заклинаю вы, трясавицы, иже семь сестръ дневныя и три дневныя (sic) и т. д. Бѣжите вы, трясцы, отъ того раба Божія крестьянска евангеліе въ новое мѣ.... Предъ враты галилейскими лежа Петръ, полонъ трясцъ, о милости Божіей размышляше, и пріиде къ нему Іисусъ и рече ему: Отче(го), Петре, лежишь? — Петръ же отвѣща: Господи, полонъ есмь трясцъ. — И рече ему: Здравъ будеши. — Вставъ же Петръ и здравъ бысть отъ трясцъ» и т. д.

Заговоры Синайскаго эвхологія указываютъ на древность раздѣльныхъ представленій о трясавицахъ и ихъ родѣ, бѣсоподобныхъ женахъ, съ особымъ назначеніемъ каждой: утренняя, полудница. Когда многоименный бѣсъ Сисиніевой легенды или молитвы раздробился на нѣсколько лицъ, ничто не мѣшало перенести на нихъ понятіе этихъ трясавицъ, а въ дальнѣйшемъ актѣ сплоченія отождествить послѣднихъ съ «дочерьми Ирода».

II.

Къ «Евангелистой пѣснѣ» или тому, что Hăsdeй назвалъ «Povestea Numerelor», собрано или указано недавно нѣсколько новыхъ матеріаловъ, которые ни г. Hăsdeй, ни я не имѣли или и не могли имѣть въ виду. О русскихъ редакціяхъ писалъ Петровъ, О вліяніи западно-европейской литературы на древнерусскую, въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад. 1872 г., Іюнь, стр. 466—70; нѣсколько румынскихъ варьянтовъ пѣсни сообщилъ Гастеръ (l. c. p. 467—471); венеціанскій — Bernoni, Preghiere popolari veneziane, p. 34—39; сициліанскій Cannizzaro (Pitrè e Salomone Marino, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari I, 3, стр. 418 слѣд.), абруцскій Finamore (l. c. II, 1, стр. 97—9),

португальскій (пересказы котораго были напечатаны въ разное время Coelho, Consiglieri Pedroso и Leite de Vasconcellos) и два испанскихъ — Antonio Thomaz Pires (ib., стр. 100—6), наконецъ каталонскій Milá y Fontanals (сл. ib. стр. 142). Варьянты эти не измѣняютъ распредѣленія на группы, предложеннаго мною для текстовъ, бывшихъ мнѣ извѣстными: либо это «пѣсня», состоящая въ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ на тему: что такое одинъ, два, три? и т. п.; либо сказка, съ преніемъ загадками на такіе-же числовые вопросы. — Взаимныя отношенія этихъ двухъ группъ, представлявшіяся мнѣ (стр. 81) не достаточно ясными, могутъ быть опредѣлены приблизительно такимъ образомъ. Существовала древняя сказка, въ которой демонъ и человѣкъ препирались числовыми загадками. Типомъ можетъ служить малорусская сказка у Драгоманова (Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 56—7), приведенная г. Hăsdeй: чертъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ, отчего онъ разбогатѣетъ; условіе на три года: чертъ явится тогда и предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить, иначе онъ пропалъ. Вмѣсто бѣдняка берется отвѣчать старикъ, которому онъ далъ пріютъ на послѣднюю ночь. Около полуночи чертъ спрашиваетъ подъ окномъ:

Кто есть в хаті?

Один так як одного нема.

А два?

Вдвох добре молотити.

А три?

Втрох добре в дорогу їхати.

А чотирі?

Чотирі чоловік колисі мав, то свій віз мае.

А пъять?

Пъять чоловік дівок мав, то свої вечерниці мав.

А шість?

Шість кабанів чорт мав, бідному чоловікові дав і на вічне відданне пропало.

Разсердился чертъ, сорвалъ крышу съ хаты и былъ таковъ.

Эта сказка могла имѣть извѣстное распространеніе.

Въ сакскомъ варіантѣ чертъ обѣщаетъ юношѣ замокъ и *девять свиней*, если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и при томъ нѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ между прочимъ. Отвѣтъ: *девять свиней въ закутѣ!* — и дьяволъ обращается въ бѣгство (сл. у меня, стр. 79). Сл. въ бретонскихъ вопросахъ и отвѣтахъ, приводимыхъ Hăsdeŭ (p. 592) №№ 8 и 11, въ соотвѣтствіи съ №№ 2 и 6 малорусской сказки:

(Что есть восемь?) *Huit petits batteurs sur l'aire:* battant des pois, battant des pampres; ils battent sur l'aire en se tenant par la main.

(Что есть одиннадцать?) Grognant et regrognant *onze truies* toutes semblables allant à l'accouplement.

Независимо отъ сказки былъ издавна въ ходу родъ катехическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: Что есть одинъ? Одинъ Богъ и т. д. Пѣсни такого содержанія поются о святкахъ въ Румыніи, Польшѣ и у Галицкихъ Русиновъ, о Пасхѣ у Евреевъ; у французовъ въ Канадѣ пѣніе сопровождается пляской духовнаго характера.

Такого рода пѣсенные Вопросы и Отвѣты были включены въ сказку о Преніи числовыми загадками, занявъ ихъ мѣсто. Получилось такимъ образомъ смѣшенная форма, образцемъ которой могутъ служить: кавказская сказка (сл. у меня стр. 432), гдѣ катехическіе вопросы и отвѣты приняли мусульманскій оттѣнокъ, и слѣдующая, записанная въ Сициліи.

Староста церкви св. Николы, человѣкъ набожный, сѣтуетъ, что у него нѣтъ денегъ справить, какъ слѣдуетъ, праздникъ Святаго. Не зная, что начать, онъ идетъ бродить и на горѣ встрѣчаетъ господина — то былъ дьяволъ —, который, разспросивъ его о причинѣ его грусти, предлагаетъ ему денегъ — съ пустяшнымъ условіемъ: сказать ему *двѣнадцать истинъ* (dudici

palori di verità). Св. Никола, подъ видомъ старика нашедшій пріютъ у старосты, отвѣчаетъ вмѣсто него дьяволу, явившемуся ночью. Кто стучится? спрашиваетъ Святой? — Дьяволъ: Сколько васъ тамъ? (Oh quantu semu?) И кто тебя научилъ отвѣчать? — Святой: Хорошій учитель, лучше тебя. — Кто царствуетъ? — Одинъ Богъ во вѣки вѣковъ, Іисусъ Назареянинъ, распятый. — Слѣдующіе отвѣты принадлежатъ болѣе или менѣе къ типическимъ: Двѣ скрижали Моисея, три Патріарха (Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ), четыре евангелиста, пять ранъ Спасителя, шесть мессъ, имъ отслуженныхъ, семь свѣтильниковъ передъ образомъ Богородицы (sette torci chi 'ddhumanu in Caluria — Avanzi di la purissima Maria), восемь спасенныхъ душъ (ottu armuzzi giusti), девять ангельскихъ хоровъ, десять заповѣдей Божіихъ, одиннадцать ученій (articuli) святой каѳолической церкви, двѣнадцать апостоловъ. —

А что тринадцать?

Лопни, дьяволъ-фараонъ, не съ тринадцатью, не съ двѣнадцатью, а со всѣми твоими товарищами.
